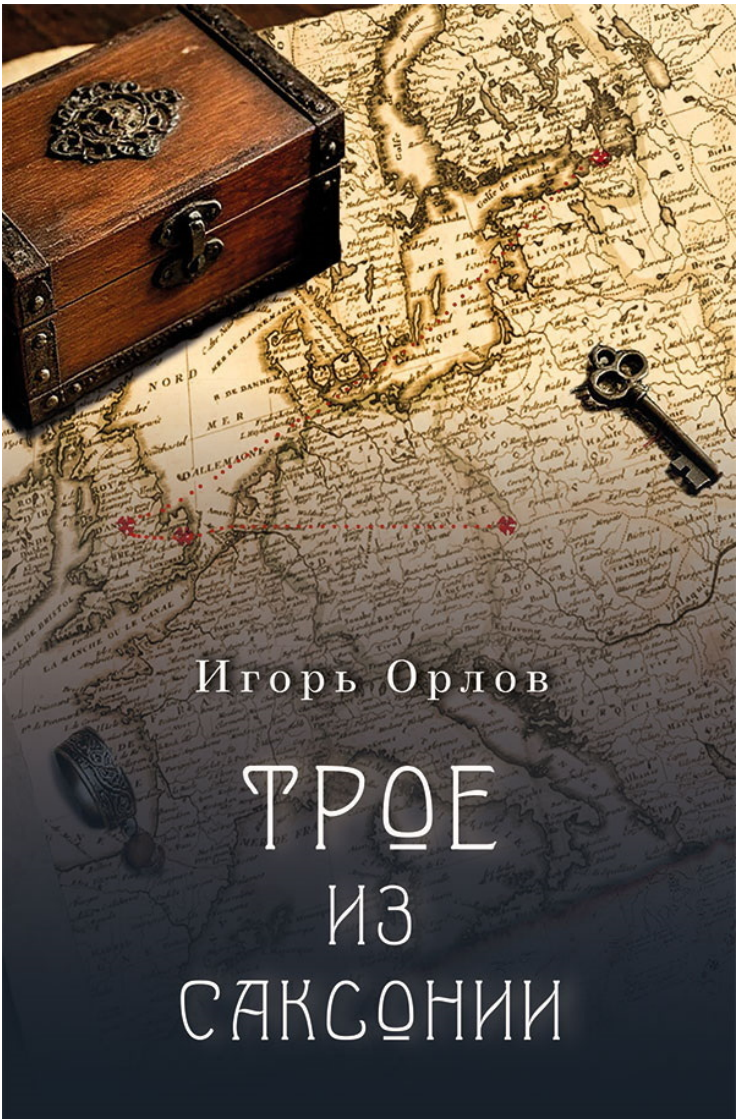

Игорь Орлов
ТРОЕ
ИЗ
САКСОНИИ

Игорь Вячеславович Орлов
Трое из Саксонии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74756886
Трое из Саксонии. Авантюрный роман. / Орлов И.В.: У Никитских ворот; Москва; 2026
ISBN 978-5-00246-693-1

Аннотация

Тяга к приключениям – как хроническая болезнь: с возрастом от неё не избавиться. Таков бывший шкипер, а теперь солидный владелец трактира Хуберт. Если этаких авантюристов несколько, то место на карте уже не имеет значения, будь то викторианская Англия или Советская Россия. Трактирщик, молодой архитектор Густав и циркач Вольф готовы на риск, лишь бы не сидеть на месте, но иногда опасность оказывается серьёзней, чем кажется.

Содержание

Какая такая Саксония? 6
Часть 1 10
I 10
II 17
III 27
IV 36
V 38
VI 47
VII 55
VIII 68
IX 76
X 87
XI 94
XII 99
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Игорь Орлов
Трое из Саксонии.
Авантюрный роман

Не лучше ли спокойно сидеть дома, нежели мыкаться по свету и ловить в небе журавля, забывая о том, что коли идёшь за шерстью – гляди, как бы самого не обстригли?
Мигель де Сервантес Сааведра.
«Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»

Кто так жаждет оседлости, не достигнет её никогда.

Человек, оседлый по натуре, жаждет авантюр.
Эрих Мария Ремарк. «Станция на горизонте»

у никитских ворот

© Орлов И.В., 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Какая такая Саксония?

Напомню, что Игорь Орлов, родившийся в подмосковном Щёлкове (1973 г.), а ныне живущий и работающий в околозвёздном Королёве, уже не совсем молодым человеком блестяще защитил диплом двухгодичных Высших курсов Литературного института, предназначенных именно для таких, как он: талантливых, способных сочинять так называемую художественную прозу.

Короткие рассказы Орлова были посвящены придуманному им семейству скромных новых русских Уклейкиных, приспособившихся жить в новых общественно-политических условиях нашей страны с её непонятной экономикой и парящей в сознании многих тенью надвигающейся нищеты и катастрофы, которая – постучим по дереву – пока не приходит и, скорее всего, не придёт. В финальном рассказе Уклейкины даже приобрели себе славный домик в деревне, чтобы их деточки получили шанс вырасти на свежем воздухе, а не сидели сутками в городском интернете. «Писатель состоялся, – решил я. – Он нашёл СВОЮ ТЕМУ, ему есть о чём писать, дальнейшее зависит только от Бога, удачи и трудолюбия автора». Поэтому я с некоторой опаской взялся читать его новую ОБЪЁМНУЮ работу под насторожившим меня названием «ТРОЕ ИЗ САКСОНИИ. АВАНТЮРНЫЙ РОМАН».

Какая такая Саксония, столь далёкая от Щёлкова, Королё-

ва и Уклейкиных? Какая там Англия, Франция, Швейцария, поиски неведомых сокровищ, странная европейская компания искателей приключений – изрядно пьющий отставной морской волк, декадентствующий архитектор, лилипут-циркач? Откуда детали? Не халтура ль это? Не желание ль вписаться в стройные ряды богатеньких коммерческих литераторов? Нет, тут же понял я, написано точно, увлекательно, и жанр чётко определён – авантюра. Высококачественная литературная авантюра. Приключения на суше, на море, сундуки с пиратскими драгоценностями, любовь, могилы… «Ищешь Азию, найдёшь Америку», – писал когда-то поэт Андрей Вознесенский о НАСТОЯЩЕЙ литературе. То, что иногда кажется попсой, становится классикой, как это случилось, например, с «Островом сокровищ» Стивенсона или «Тремя мушкетёрами» Дюма. Я убеждён: главное в литературе не «ЧТО?», а «КАК?». Литература – не копия жизни и вовсе не «отражение», как учили нас когда-то советские литературоведы. Литература – Божья тайна. Литература – это создание талантливым человеком своей реальности. Слова «талантливый», «реальность», «Бог» здесь ключевые.

И ещё – мне особенно симпатично, что русский писатель Орлов всегда помнит о родине и в конце своего бурного повествования направляет этих международных авантюристов в нашу страну, где приключений, возможно, куда больше, чем в состоявшейся Европе с тенью её векового величия и перманентного «конца цивилизации». Одна наша Октябрь-

ская революция под руководством начитавшегося Маркса гимназиста Ульянова чего стоит! Однако слава Богу, что Орлов не лезет в политику, не участвует в споре свифтовских «остроконечников» и «тупоконечников», прекрасно усвоив, что единственная писательская идеология – писать как можно лучше.

И на самом деле – ведь многие из нас вряд ли помнят, за кого был Данте. Ибо давно нет ни гвельфов, ни гибеллинов, ни самого Данте, а вот «Божественная комедия» существовала, существует и будет существовать вечно.

Я приветствую новое сочинение Игоря Орлова и надеюсь, что текст его авантюрного романа увлечёт не только меня, но и многих других читателей, любящих, как и я, толковую, качественную, хорошую и не занудную литературу.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ,
прозаик, драматург и эссеист,
один из основателей и вице-президент Русского ПЕН-центра, ассоциированный профессор
Литературного института. Член СП СССР с 1978 г.
Автор более двадцати книг,
переведённых на множество языков. Лауреат престижных литературных премий,
в том числе «За просвещённый патриотизм».
Заслуженный работник культуры России, имеющий
благодарность Президента РФ *«за большой вклад*

в укрепление российской государственности и активную общественную деятельность», награждённый российским орденом Дружбы *«за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную творческую деятельность».*

25.04.2026, Переделкино

Часть 1
Сокровища Саламанки

I

Трактирщик Хуберт разбирал накопившиеся письма, аккуратно раскладывая их на большом столе. Крупными, как сардельки, пальцами он брал почтовые карточки и конверты и, мельком взглянув на адрес отправителя и печать, сортировал. Справа неизбежно оказывалась стопка с портретом кайзера или императора на марке – письма из государственных организаций. С противоположной стороны пестрели карточки и открытки от родственников. Послания от знакомых он вскрывал редко, догадываясь, о чём те могут просить успешного хозяина питейного заведения. После прочтения писем его ждала бандероль с газетами. Кроме местной прессы, Хуберт читал «Гамбургские новости», где публиковали сводки судоходства. Он присмотрелся к увесистому пакету: на перекрестии упаковочной ленты тускло блестел малиновый сгусток – редкая почтовая марка номиналом 3 пфеннига. Трактирщик слышал, что её называют «саксонская тройка», и решил отклеить, не повредив. Но отвлёкся.

– Фю-ю! – свистнул владелец трактира, при этом его мас-

сивная челюсть и тщательно выбритый подбородок даже не шелохнулись, зато под тяжестью хозяина скрипнул дубовый стул.

– А это ещё что? – спросил он сам себя, разглядывая нелепого вида конверт-квадрат жёлтого цвета.

Вместо адреса отправителя там стояла размашистая буква Z. «Из всех клиентов, знакомых и приятелей такую подпись мог поставить, наверное, только Желински, – соображал Хуберт. – Похоже, это их вензель». Трактирщик знал, что кто-то в семье Желински, дед или прадед, занимался ювелирным делом. Это было ещё на их родине, в Польше. Но здесь, в Лошвице, традицию никто не продолжил.

«Сам Всеволод писем не пишет, – держа перед собой конверт, продолжал умствовать здоровяк. – Может, его сын Густав? Но зачем он отправил письмо? Не проще ли было зайти?»

Желински жили в большом красивом доме с ухоженным садом в нескольких кварталах от трактира. Всеволод Желински в молодости был частым гостем его заведения. Заходил после работы или по выходным и выпивал пять-шесть кружек саксонского светлого с друзьями. Сын Всеволода Густав заглядывал в питейное заведение редко. Поговаривали, что он любит модные салоны, якшается с художниками, скульпторами и предпочитает лёгкое вино.

– Что же нужно этому молодому человеку от старины-трактирщика? – бубнил Хуберт, вскрывая конверт ост-

рым как бритва ножом с декорированной ручкой в виде рыбы – подарком на тридцатилетие от боцмана Штильке. – Да тут послание на несколько страниц…

Уважаемый господин Шмидт!

– Вот те на… К чему эта официальность? Так обращается ко мне только налоговый инспектор, да и тот после кружки-другой саксонского норовит хлопнуть по плечу. Инспектор любит повторять: «Ты, старина Хуберт, самый аккуратный плательщик в Лошвице. Вот бы все так вовремя платили в казну!»

Прошу извинить, что лично не засвидетельствовал почтение. Но в моём случае необходимо соблюдать меры предосторожности.

– Э-э-э, чтоб я треснул! У меня такое чувство, что инспектору точно бы не понравилось содержимое этого письма, – продолжал рассуждать трактирщик.

Я редко бываю в трактире, и мой визит не остался бы незамеченным. А приходить ночью в Ваш дом я счёл неуважением.

– Вот ведь тип. Выучился красивостям в этих салонах, – уже ворчал Хуберт.

Возможно, Вы слышали от отца, что некоторое время назад я вернулся из Лондона. Я был там по важным делам и совершенно случайно стал свидетелем одной страшно интересной истории. Не хочу досаждать подробностями… Я могу рассказать всё во время личной встречи. При довольно

странных обстоятельствах я оказался обладателем карты сокровищ. Понимаю, что звучит, как в приключенческой книге, но прошу верить мне и заклинаю держать всё изложенное в тайне.

– Каких ещё сокровищ, что за выдумки? – начал негодовать Хуберт.

Не подумайте, что я наивный юнец, с которым можно сыграть злую шутку. Подлинность карты я проверил в Лондонской академии, ей больше полувека. На обратной стороне чертежа имеются судовые записи. На самой карте есть отметка возле берегов Австралии. Я навёл справки в Лондонском географическом обществе, и там подтвердили, что в марте 1846 г. к берегам Австралии отплыли три торговых фрегата под командованием капитана Сета Гордона – и ни один не вернулся.

Я побывал в порту Саутгемптона и под видом романиста выяснил кое-что про эту экспедицию. От старых моряков я услышал совершенно разные истории, но кое-что совпадало. Так вот, сильнейший шторм, случившийся возле берегов Гвинеи, выдержало только флагманское судно. Фрегат Гордона сильно потрепало, часть команды смыло за борт, а оставшиеся моряки были не в силах уже позднее сопротивляться нападению пиратов. Один из рассказчиков уверял, что Гордон сам стал флибустьером и ходил в Индийском океане под чёрными парусами. Дальше следы капитана исчезают. Кто-то говорил, что он погиб во время боя с хо-

рошо вооружённым испанским судном, другие слышали, что он тайно вернулся в Англию и жил где-то в Дувре.

– Какую ностальгию навевают эти названия! Что там дальше?

Я отправился в Дувр, но ничего обнаружить не смог. Один старый рыбак рассказал о городском чудаке, который в молодости якобы был пиратом, и звали его в те годы Дон Рогбер. Но это было похоже на одну из местных баек.

Так подробно я рассказываю про свои поиски, чтобы Вы убедились в серьёзности моих намерений.

Возможно, я нашёл бы новую нить в этом сложном деле, но отец прислал письмо и просил меня вернуться в Лошвиц. Дядя при смерти и перед уходом хотел повидать племянника. Я не стал рассказывать отцу о карте и моих поисках, зная, что за кружкой пива он может выболтать всё своим дружкам.

– К чему этот долгий рассказ? Неужели он рассчитывает на мою помощь? – всё больше распалялся трактирщик.

Уже дома я размышлял над этим делом. Имя Дон Рогбер, ещё тогда показавшееся мне подозрительным, легко трансформируется в Гордон. Можно предположить, что человек с таким именем и правда жил в Дувре. Ещё я понял, что одному не справиться. Нужен надёжный, смелый и честный человек. Такой человек – Вы, господин Шмидт. Я слышал, что в молодости Вы были старшим помощником капитана.

Прошу Вас не отвергать сразу моё предложение. Если Вы

сочтёте возможным встретиться со мной, обещаю ответить на все вопросы. Буду ждать Вас на мосту принца Альберта 19 марта сего года в 14:00.

15/III 1897 г.

Густав Желински

Хуберт отложил письмо и уставился на миниатюру, висевшую на стене. На ней какой-то неизвестный художник изобразил фрегат в открытом море: небо в рваных клочьях, чёрно-синие с пенной каймой волны, туго набитые белые паруса и несколько чаек над самой водой. Картинку он купил в Кадисе, где из-за сильного шторма экипаж торчал четверо суток. Почти семнадцать лет Хуберт ходил из Гамбурга в Алжир под флагом «Гамбург – Южноамериканская пароходная компания». Потом сошёл на берег и переехал с женой и сыном в Саксонию – подальше от моря, портов и старых приятелей. Имевшихся денег хватило, чтобы открыть трактир недалеко от моста через Эльбу.

Прошлое странным образом напомнило о себе, и было настолько убедительным и требовательным, что Хуберта охватила непонятная тревога. Но трактирщик не стал давать волю воображению. Он попытался размышлять рационально.

– А ведь письмо может быть розыгрышем или подделкой. Как бы там ни было, меня это уже не касается. Я слишком стар для авантюр! – пришёл к заключению трактирщик.

Он ещё раз взглянул на письмо, решительно схватил его

со стола и порвал. То же самое проделал и с конвертом. Хуберт вспомнил про газеты, которые сперва оставил на после обеда, но решил, что чтение прессы отвлечёт от навязчивых мыслей. Дёрнув упаковочную ленту, старый шкипер слишком поздно вспомнил, что хотел сохранить красную почтовую марку.

II

Если вы думаете, что Хуберт разорвал письмо и тут же забыл о предложении молодого Желински, вы ошибаетесь. Письмо доставили семнадцатого марта, и в эту ночь, как и в следующую, старый моряк почти не спал. Мысли не давали ему покоя. «В конце концов, я могу прогуляться до Лошвицкого, или, как он его назвал, – моста Альберта. Если это шутка, мы с Желински посмеёмся. Но, возможно, он действует по чьему-то научению. Может, кто-то из старых приятелей решил меня разыграть… Кто бы это ни был, я не подам вида. Такие вещи меня уже не волнуют», – уговаривал себя Хуберт.

Тем не менее непонятное смятение владело им все эти дни. В молодости он любил будоражить воображение накануне очередного похода. Ему нравилось представлять себе города, в которых он ещё не бывал, красивые здания в порту, новых людей. Его охватило лёгкое волнение, схожее с тем, когда он сдавал экзамен по международному морскому праву в Гамбурге. Он уже не помнил деталей, но ощущение казалось знакомым. «Что ж ты, старый пёс, так разволновался, – говорил себе трактирщик. – Неужто ты и вправду дашь втянуть себя в авантюру с сокровищами, как тупоголовый матрос? Нееет, ты всё решил. Придёшь на встречу, а там разберёшься. Не скидывать же Желински с моста, если это всего

лишь глупая выходка? С другой стороны – нельзя допускать, чтобы надо мной и дальше подшучивали».

В назначенный день на мосту принца Альберта было, как всегда, немноголюдно, сквозь тучи еле-еле пробивалось солнце, и отдельные фрау вооружились кружевными зонтами. Хуберт сразу заметил высокого мужчину с тростью, одетого не по-здешнему в пальто, на голове – чёрный цилиндр. Трактирщик неспешной походкой, широко расставляя ноги, двинулся к моднику, но к тому уже подошла фройляйн.

– Господин Шмидт! – окликнул Хуберта рыжеволосый худощавый молодой человек, которого трактирщик не заметил вначале. В левой руке он держал блокнот, а правую вытянул для рукопожатия. – Рад, что вы пришли!

– Густав, слушайте, не надо этого. Можете звать меня Хуберт или старина Хуберт. Как вам больше нравится.

– Хорошо, Хуберт! – молодой человек улыбнулся и сунул блокнот в карман куртки. – Вы располагаете временем? Если рассказывать подробно, а иначе ничего не понять, понадобится не меньше двух часов. Давайте найдём лавку там.

Обладатель рыжей шевелюры махнул в сторону противоположного берега.

– Всё равно уж заплатили!

Хуберт не возражал. С тех пор как Саксонская железнодорожная компания построила мост, который горожане из-за необычного цвета сразу окрестили «Голубое чудо», трактирщик пересекал его всего пару раз. Не то чтобы жаль было два

пфеннига, но он немного завидовал славе трактира, расположенного возле самого моста, в центре небольшого сада. «Уж больно место удобное, а пиво варят не самое лучшее», – утешал себя бывший шкипер, провожая взглядом пароход, который с шумом выбрасывал воду, оставляя после себя грязный пенный след.

– Я готов вас выслушать, Густав, хотя до сих пор вся эта история представляется мне каким-то злым розыгрышем, – не сдержался трактирщик.

– Если бы вы мне не поверили, не пришли бы. Я вас понимаю: сокровища, пираты, карты… Всё это звучит нелепо в наш просвещённый век. Но это всё так! Наверное, вы, Хуберт, слышали про художественные и литературные салоны в Пруссии?

– Слышал, иногда и я читаю газеты.

– Как вы знаете, люди там собираются, чтобы обсуждать современное искусство, живопись. Пару лет назад мы с друзьями – а многие из них, как и я, архитекторы – организовали такой салон у нас, в Лошвице. Мы пытаемся найти новые формы выражения мысли в искусстве, но не хотим полностью отказываться от старого, как это предлагают модернисты. На мой взгляд, идеи и вдохновение нужно искать в смежных сферах.

– Густав, вы ради этого меня позвали?

– Простите, я хочу, чтобы вы уловили мотивы моих поступков. Так вот, есть один архитектор-англичанин, который

творит чудеса у себя на родине. В своих работах он обращается к сельской архитектуре, стремится сохранить деревенский дух. Он настаивает на более чутком отношении к кровле, мансарде, расположению окон, фасаду в целом.

Молодой человек откашлялся и продолжил:

– Я решил отправиться в Лондон и изучать это новое течение в Школе ремёсел в Ист-Энде. Её открыл тот самый англичанин.

– Ну и как, удачно? – поинтересовался Хуберт.

– Почти. Отец снабдил меня деньгами, друзья поделились советами и адресами английских приятелей. Я рассчитывал вернуться через год с новыми идеями и проектами. Был конец мая. Прекрасное время для поездки. Прибыв в час дня, я намеревался благополучно причалить к берегам портового города Дувра. К сожалению, меня ждала участь многих неопытных путешественников.

В поезде моим соседом оказался любознательный молодой человек, тоже направлявшийся в Англию. Некто Смит. Я поведал ему о своей страсти к архитектуре и планах учиться в Школе ремёсел. Мы бедовали всю дорогу, а когда прибыли в Кале, мой попутчик исчез. Как я ни старался найти его на борту парохода, всё было напрасно. Помощник капитана отказался показывать мне список пассажиров. На мою просьбу сообщить, в какой каюте я могу обнаружить мистера Смита, он заявил, что таких на судне как минимум трое. Больше я от него ничего не добился и решил, что это к лучшему. Дру-

гих попутчиков я не искал.

Путь через пролив занимал около двух часов, и я решил вздремнуть. Проснулся от шума, возни и перешёптывания. В каюте было темно. Не успел я позвать на помощь, как мне на голову… будто фонарный столб свалился. Так мне тогда показалось. Очнулся я от барабанного стука в дверь. Голос, который принадлежал матросу, предупреждал, что через десять минут судно войдёт в порт. Тут оказалось, что я привязан к кровати. Я закричал, чтобы позвать на помощь. Он освободил меня от верёвок, извинился и ушёл за помощником капитана. Я огляделся – немногочисленные уцелевшие вещи валялись на полу. Замки на чемодане, которые я по привычке всегда закрывал ключом, сломаны, деньги, естественно, пропали.

Две минуты спустя помощник капитана сидел в моей каюте. Это был худощавый, как и я, молодой человек. Он предложил мне, если я решу вернуться обратно в Кале, бесплатную каюту. Я наотрез отказался и ещё раз потребовал список пассажиров, добавив, что подозреваю своего попутчика Смита. Когда мы разговаривали, он несколько раз коснулся пуговиц на своём кителе, из чего я сделал вывод, что молодой человек нервничает. Он признался, что на пароходе нет полицейского, и они сами не могут обыскивать каюты пассажиров. Я поинтересовался, могут ли они вызвать полицию в порт. Помощник капитана стал умолять не делать этого, чтобы не поднимать панику и не задерживать высадку. За

неудобства он предложил мне небольшую сумму, и я согласился.

Сойдя на берег, я стал размышлять над своим положением. Я был в чужой стране с двадцатью золотыми марками – единственной монетой, которую не нашли грабители. Она была вшита в пояс брюк. Ещё были пятьдесят фунтов за моё молчание. В полицию я обращаться не стал – грабители уже смылись, да и не хотел связываться.

Густав грустно усмехнулся.

– Как вы понимаете, Хуберт, путь в Школу ремёсел был для меня закрыт. У меня были лондонские адреса друзей моих приятелей, но я не решился предстать перед ними в простеньком сюртуке, купленном в порту. Деньги приходилось экономить. Я поселился в скромной гостинице в Дувре и решил сначала отыскать своего попутчика Смита.

Двоих из трёх Смитов я обнаружил быстро. Это оказались почтенные джентльмены, один из которых служил врачом по женским болезням. Врачеватель женской истерии – так он представился. Другой оказался таксидермистом, он возил в Париж свою коллекцию чучел – нарядных морских свинок и белок-танцовщиц.

– Чего только не придумают! – удивился Хуберт. – Так, значит, третий?

– Да, и третий жил в Лондоне. Я не застал его дома днём и решил прийти вечером. Его квартира располагалась на втором этаже длинного трёхэтажного дома, фасадом выходив-

шего на узкую улицу. Как и в Саксонии, в таких террасных домах живут рабочие и мелкие служащие. Я и не надеялся увидеть того самого проходимца с парохода. Но мне нужно было хоть что-то предпринять, прежде чем начать строить дальнейшие планы.

Я немного погулял по окраинам города, перекусил в таверне и вечером вновь отправился к Смиту. В квартире никого не оказалось, и я решил подождать, присев на подоконнике в пролёте между этажами.

Через десять минут я услышал шаги и негромкий разговор.

– Она у вас с собой?

– По-вашему, что ещё я несу в холщовке? – был ответ.

Первый голос принадлежал Смиту. Тому самому!

Я подскочил и метнулся на третий этаж.

– Не пойму, Смит, что вы в ней нашли? Там, кроме старинной толстой рамы, смотреть-то не на что, – слышал я голос спутника Смита и звук отпираемой двери.

– Вас, мистер Тотли, это не должно беспокоить. Я заплатил за всю коллекцию, и очень приличные деньги, – ответил Смит.

Дверь за ними захлопнулась, я спустился вниз и стал прислушиваться. Во мне всё кипело. Сердце стучало по рёбрам, как молот по наковальне. Я решил дождаться, когда выйдет гость.

В моём воображении возникали картины расправы над

моим грабителем. Первое, что пришло в голову, – ворваться, оглушить припасённой колотушкой, связать и отправить посыльного за полицией. У Смита наверняка пистолет, но я мог рассчитывать на внезапность. Он никак не ожидал увидеть меня в Лондоне.

Хуберт, откашлявшись, жестом остановил говорящего. На тыльной стороне ладони трактирщика Густав заметил наколку в виде морской черепахи.

– Густав, простите, зачем вы мне всё это рассказываете, к тому же так подробно?

– Простите, Хуберт, я увлёкся. Но это уже финал. Ещё каплю терпения. Итак, разговоры стали слышны отчётливее. Тот, второй, кричал, что Смит лжец и что-то скрывает. Они начали торговаться. Потом я услышал какой-то треск, затем выстрел. И тут же ещё один.

Я ворвался в комнату, дверь не была заперта. Возле стола лежал тот, второй. Он умирал. Слабеющим голосом он умолял сообщить в полицию, что у него хотели обманом выманить какую-то карту. Смит сидел, откинувшись в кресле. Рана на груди кровоточила, мне показалось, он уже не дышал. На столе лежала картина с разломанной рамой. Из-под холста торчал краешек мелко исписанного листа. Я вытащил его из рамы – с обратной стороны была карта. Я схватил её и помчался по лестнице вниз, решил во всем разобраться позже. Так я стал обладателем карты сокровищ. О своих поисках я вам написал в письме. А теперь – главное…

– Минутку! А почему вы просто не забрали свои деньги? – вновь перебил его Хуберт.

– А вы бы смогли? Кроме картины, на столе ничего не было. Обыскивать труп… Нет, я не смог. Я был напуган, плохо соображал. Я решил, что найду сокровища и вернусь к своим прежним планам.

– Да, странная история, прямо-таки удивительная, – улыбнувшись, подытожил трактирщик.

– «Нисподжанка!» – так бы сказал мой дед.

– Простите, Густав, не понял.

– Это значит «приятная неожиданность». Мои предки из Польши, и дед любил так выражаться.

– Скорее – не было бы счастья, да несчастье помогло…

Прошло несколько минут, прежде чем они вновь заговорили.

Хуберт проникся уважением к молодому Желински.

«Да-а, этот молодой человек не робкого десятка! Не каждый бы решился на такое», – подумал Хуберт.

– Влипли же вы в историю! – произнёс он вслух. – Что собираетесь предпринять?

– Искать дальше.

– Но почему я? Почему вы решили довериться мне, уже немолодому трактирщику?

– Понимаете, Хуберт, мои друзья и приятели для такого не годятся. Мы можем всю ночь рассуждать о поиске новых форм в искусстве, но стоит заикнуться о том, чтобы учиться

чему-то новому, – и кого я увижу перед собой?.. Скопище зануд и лентяев! Что уж говорить о том, чтобы отправиться за сокровищами.

– Салонные мальчики. Так вас называют горожане, – вспомнил Хуберт.

– Они правы!

– Собственно, основная часть горожан такие же болтуны и домоседы. Да и во мне не осталось прежней энергии и жажды новизны, – возразил Хуберт.

– Простите, но вы не похожи на типичного бюргера.

– Что ж, пусть так! Но вы должны понимать, что предлагаете авантюру сорокапятилетнему трактирщику, который почти десять лет не выезжал за пределы Лошвица.

– Почему бы не попробовать?

– Вы с ума сошли, Густав! Вы всерьёз рассчитываете, что я соглашусь?

– Если честно, нет…

– Но что тогда? Деньгами вы обеспечены, да и не стали бы вы просить их у трактирщика…

– Мне нужен хотя бы ваш совет. И ещё я прошу вас взглянуть на карту.

– Вы хитры, Густав. Думаете, я увижу карту, и во мне вспыхнет жажда приключений?

III

Если бы кто-то вечером заглянул через широкое окно комнаты, расположенной на втором этаже трактира, то увидел бы склонившихся над столом двух мужчин. Одному из них немногим более сорока, он плотного телосложения, невысокий, почти седой, с крупными приятными чертами лица. Он водит лупой по строкам и негромко читает. Второму около двадцати пяти: рыжий, высокий и стройный. Бархатистые карие глаза, тонкий слегка вытянутый нос на веснушчатом лице – все эти черты выдают в нём уроженца Галиции или что-то вроде того. Он внимательно слушает, иногда прерывая того, постарше, чтобы переспросить, потому что мало знаком с морской терминологией.

Тусклый свет керосиновой лампы слабо освещает комнату, которую правильнее назвать кабинетом. Интерьер помещения подсказывает, что хозяин некогда имел отношение к мореходству. Огромный шкаф с книгами занимает почти всю дальнюю стену. На верхней полке романы о приключениях соседствуют с истрёпанными корешками изданий по навигации, учебниками по морской практике и стопками карт.

За окном подвывает весенний ветер, который вот-вот принесёт долгожданный дождь. Вдруг один из заговорщиков поднимает голову и вглядывается в черноту окна, подходит

ближе. Ему кажется, что скрипнули ставни. Померещилось. Там только темнота и ветер, раскачивающий верхушки яблонь.

Так что же они изучают? Небольшой лист бумаги, исписанный мелким почерком с датами на полях. Клочок из судового журнала. Запись охватывает период с мая по август 1855 года. С обратной стороны – рисунок!

– Густав, почему вы решили, что сокровища на острове, рядом с Австралией? В записях говорится только о нападении на испанское судно где-то в этих местах. Оно перевозило с приисков золото и алмазы. Груз принадлежал какому-то дону из Саламанки.

– Но здесь же стоит крестик! Да и где ещё нужно искать эти сокровища?

– Вы верите, что они ещё есть?

– Уже начинаю сомневаться.

– Смотрите, на карте отмечены ещё две точки – Дувр и Саутгемптон.

– Всё верно, Хуберт. Но, если помните, именно из Саутгемптона отправлялись корабли капитана Гордона. Прямые и пунктирные линии ведут как раз в Австралию. То же самое и с Дувром. К тому же я там уже искал.

– Так-то оно так… Но всё же… Я не знаю, зачем капитан на своей карте рисовал навигационные прокладки. Видимо, привычка. Обратите внимание на стрелки на этой прямой – это направление движения. Следовательно, из Саутгемптона

судно вышло, а в Дувр вернулось. И в Дувре крест почти такой же, как возле берегов Австралии, а вот отметка второго порта как будто аккуратно зачёркнута.

– То есть всё-таки я прав, что наводил справки в Дувре?

– Почти. Только вы искали в самом порту и в библиотеках. Это, кстати, самые подходящие места для сокровищ.

– Эээ, про библиотеку я немного приукрасил.

– То есть – наплели с три короба!

– Не совсем. Я был в этих портовых городах, потому что они отмечены на карте.

– Густав, что вы там ещё насочиняли? Может, и карту вы украли, или она – подделка?

– Хуберт…

– Это шутка, Густав. Не обижайтесь. Я понимаю, что вы хотели меня заинтересовать, ведь был риск, что я не куплюсь на ваше предложение. Вы всё продумали, хитрец.

– Не всё. Я не знаю, согласитесь ли вы.

– А вы ещё не поняли?

– Так вы уже всё обдумали?

– Не всё. Дайте мне ещё пару дней. Это серьёзное решение. Я ведь обещал себе – никаких приключений.

– Конечно, Хуберт. Если вы решите, сколько у нас займут сборы в Англию?

– Не торопите меня, дружище. Главное решиться, и тогда эта поездка будет для меня не труднее прогулки по Берлину.

Сборы в Англию начались с нелепого случая, который, тем не менее, внёс коррективы во все последующие события. Через три дня после встречи с Густавом в трактир Хуберта явился мальчик, на вид лет десяти-двенадцати. Он озирался по сторонам, будто кого-то искал. Потом подошёл к стойке и совсем не детским голосом попросил хозяина. Пока тот спускался вниз, кое-кто из завсегдатаев не удержался от шуток в сторону малыша. Увидев посетителя, Хуберт понял, кто перед ним.

– Господа, прошу посдержаннее! Господин, поднимемся ко мне. Простите, не знаю вашего имени.

– Вольф! Вольф Крисп!

Хуберт вспомнил, что на левом берегу Эльбы, в Блазевице, живёт семья карликов, но никогда ещё ему не приходилось видеть их вблизи. То ли дело – лилипуты! Про них ходили сплетни, писали в газетах, а одна пара даже сумела устроить в Нью-Йорке шикарную свадьбу. Мистеру Шмидту рассказал о лилипутском бракосочетании боцман Штильке. Тот даже как-то позвал Хуберта на представление «цирка уродов» в Нью-Йорке, но накануне Хуберт засиделся с матросами в пабе, и весь следующий день ему было не до лилипутов.

Но сейчас перед Шмидтом был карлик – малыш с короткими, но сильными руками и головой взрослого мужчины.

– Присаживайтесь сюда, – предложил трактирщик.

Карлик ловко вскарабкался в кресло, Хуберт легко приподнял массивный стул и поставил рядом. Он скрестил паль-

цы на руке, чувствуя неладное, и стал разглядывать незнакомца. Длинный, торчащий, как у рыбы-пилы, нос, на подбородке и щеках чернеет щетина – её-то Хуберт и заметил в первую очередь, когда тот появился в трактире.

– Господин Хуберт, меня зовут Вольф. С детства мы с братом Амадеем работали в цирке в Бреслау. Ездили по Пруссии, один известный импресарио устраивал нам представления на лучших аренах – в общем, имели кое-какие деньги на жизнь. А теперь… После серьёзной травмы Амадей уже не может выступать. Нас выкинули из цирка, и мы вернулись в Саксонию к родственнице. Нам только исполнится двадцать три, но достойную работу ни в Блазевице, ни в Дрездене мы найти уже не сможем. Брат передвигается только в кресле. Ему нужна операция. Когда брат поправится, мы придумаем, как жить достойно. И вы, господин Хуберт, очень надеюсь, нам поможете!

– Да что вы говорите! И как вы это видите? Вы рассчитываете, что я возьму вас в трактир смешить публику? Но мне сейчас не нужны ни официанты, ни уборщики, ни даже горничные, – едва сдерживая вспыхнувшее раздражение, ответил Хуберт.

– Я не прошу у вас работу. Я хочу, чтобы вы взяли меня в Англию.

– Куда? В Англию? – лёгкая обеспокоенность появилась на массивном лице трактирщика. Новоиспечённые партнёры только приступили к сборам, и ни одна живая душа не знала

о предстоящей поездке.

«Неужели Желински растрепал?» – начал мысленно злиться Хуберт.

– О какой ещё Англии вы толкуете? Я десять лет не покидаю Лошвиц, хотя в молодости повидал свет.

– Господин Хуберт, я хочу честно заработать свою долю. Я могу быть вам полезен в поисках сокровищ.

– Что-о-о? Каких ещё…

– Да, да, не удивляйтесь, – перебил его Вольф. – И ваш приятель тут ни при чём… Вы просто не могли не заметить малыша в дурацком картузе на соседней лавочке, на той стороне реки, в Блазевице. Это и был мой брат. В хорошую погоду я вывожу его на прогулку и часто оставляю на набережной.

– Но как? Так этот малыш… Но мы сидели далеко… – недоумевал Хуберт.

– За наше внешнее уродство природа наградила нас с Амадеем очень чувствительным слухом. Один доктор медицины изучал наш феномен, но так и помер, ничего не поняв. На этой уникальной способности строился наш цирковой номер. Мы на расстоянии в двадцать метров можем слышать шёпот друг друга. А ещё мы можем читать по губам.

– Дааа, интересная способность. Так вы слышали весь разговор?

– Абсолютно! Мне известно про английский фрегат с золотом и бриллиантами, который захватил этот пират. И про

карту сокровищ, и про то, как она досталась вашему приятелю.

– Но с чего вы взяли, что мы говорили серьёзно?

– Я собственными глазами видел карту. В тот вечер я шёл за вами до самого трактира.

– И забрались в мой кабинет?

– Только на дерево.

– А-а, так предчувствие меня не обмануло. Что-то ещё я слышал, кроме шума веток яблони за окном. Так вы за нами тогда следили!

– Я думал, вы меня заметите…

– К сожалению, нет. Но послушайте, господин Крисп. Раз так случилось, мы готовы оплатить операцию вашему брату… если, конечно, найдём сокровища. Мы ни в чём не уверены. Возможно, их вообще не существует. Зачем вам сопровождать нас?

– Я настаиваю на участии. Повторю ещё раз: я хочу помочь и честно заработать свои деньги.

– Понимаете ли… вы очень заметны…

– Я думал об этом, и у меня созрел план. В поездке мы выдадим себя за циркачей. Вы случайно не умеете показывать фокусы?

– Нет. Но я неплохо бросаю ножи. А ещё могу за пару секунд отрезать кому-нибудь длинный язык. Показать?

– Благодарю! Он мне ещё пригодится.

– Вы вообще понимаете, что предлагаете? Хотите, чтобы

я прикинулся клоуном или фокусником и отправился в поездку с гно… извините, с карликом. Мне проще совсем отказаться от этой авантюры. И гори оно всё огнём…

– Я вас понимаю, Хуберт. Путешествие с карликом не входило в ваши планы, но другого шанса у меня не будет.

– Но… впрочем, ладно. Я должен повидаться с Густавом и сообщить о новых обстоятельствах.

Густав воспринял новость о напросившемся компаньоне спокойно и даже с воодушевлением. Ему понравилась идея с бродячими циркачами. Оказалось, Густав с детства любит цирк и даже мечтал удрать бродяжничать с циркачами. Поэтому предложение трактирщика избавиться от карлика он сразу отмёл.

– Если судьба свела нас, мы должны быть вместе.

– Вы, Густав, философ, но мне не до шуток. Я согласился на это предприятие не только из-за денег. Я хотел насладиться путешествием, рассчитывал попытать счастье на поприще искателя сокровищ. А не в качестве клоуна, – распалялся трактирщик. – И разве бывают циркачи без труппы?

– Я не видел и не слышал. Но этому Вольфгангу, или как там его, лучше знать. Он ведь из них, – спокойно ответил Желински, чувствуя, что его компаньон начал успокаиваться.

– Карлик даже защищаться не сможет, если мы попадём в руки местных грабителей!

– Хуберт, вы зря горячитесь. Втроём путешествовать веселее. К тому же мы не обязаны показывать представление. Мы можем называться миниатюрной труппой, но не выступать.

– Дожил до седин, чтобы стать клоуном… Знаете что, Густав, ваша затея мне нравится уже гораздо меньше. И вот что ещё. Карлик, а его зовут Вольф, а не Вольфганг, ни слова не знает на английском.

IV

Во время первой же встречи сотоварищей Вольф развеял сомнения Хуберта. Малыш пообещал раздобыть липовое приглашение от какого-нибудь английского графа выступить в его замке. Он придумал легенду для любопытных, что их троица – только часть цирковой труппы. В Дувр они приехали ненадолго по важным делам, а потом присоединятся к остальным. Но поскольку и такое объяснение может казаться странным и даже подозрительным, у них будет реквизит для маленького представления, которое они в случае чего смогут показать.

Сборы и подготовка номера под руководством малыша-циркача заняли целых два месяца. Вскоре все трое сблизились и перешли на «ты». Репетировали по вечерам и в выходные в сарае трактирщика. Однажды Хуберт не пришёл на репетицию, и его приятели уже собрались на выход, когда в дверях появился широкоплечий, крепкого телосложения зрелый мужчина, в котором они узнали хозяина сарая.

– Дружище, мы уже решили, что жена поймала тебя за переодеванием в трикотажный купальник.

– Почти. Бабы на базаре шепнули ей, что я стал отлучаться по вечерам, и она решила проверить. Состоялся неприятный разговор, но я был готов. Припас пару историй. В общем, я пока отбрехался, но теперь уже версия с поездкой к сестре

в Гамбург не пройдёт. Придётся говорить правду, и будь что будет.

Трактирщик посмотрел на приятелей. Те молчали, понимая, что успех поездки теперь будет зависеть от фрау Шмидт.

– Давно хотел спросить, – поинтересовался Хуберт у Вольфа. – А разве одного номера хватит?

– Боюсь, на большее вы, друзья, просто не способны! Да и времени нет. Будем импровизировать!

Фрау Шмидт удивительно легко отнеслась к причуде Хуберта с поиском сокровищ. Единственное, о чём она попросила мужа – не напиваться на чужбине.

– Представляешь, Густав? Так и сказала. Да я уже много лет не пью ни пива, ни вина, ни ликёров…

V

Дебют циркового номера случился ещё до приезда в Англию, а точнее, на борту колёсного парохода «Виктория», который перевозил их через Ла-Манш. Вольф услышал, что капитан в разговоре с помощником назвал их троицу подозрительной и предложил пригласить констебля ещё раз осмотреть багаж.

Пришлось показывать представление, чтобы развеять сомнения капитана. На прогулочной палубе, где стоял резкий запах машинного масла, матросы расчистили площадку под арену. Циркачи принесли реквизит, состоящий из большой столешницы. На ней, как на мишени, были крупно написаны цифры. Трактирщик специально для перевозки сделал столешницу разборной.

Под аплодисменты зрителей Густава привязали к мишени. Публике продемонстрировали чёрный шарф и завязали им глаза Хуберту. В чёрном трико и с перевязью на груди, с метательными ножами он выглядел как настоящий тореадор. Хуберт вытащил за рукоятку один из них, ещё раз поклонился публике и бросил нож в мишень. Тот острым концом лезвия воткнулся в «двойку» рядом с головой Густава. В толпе послышались восторженные возгласы.

Но это было далеко не всё, чем циркачи хотели поразить публику. Такой же чёрной повязкой были завязаны глаза ма-

лыша Вольфа, который спиной стоял к мишени. Карлик, не поворачивая головы, угадывал цифру, когда нож вонзался в мишень, и выкрикивал её сначала на немецком, а затем на корявом английском, получалось эффектно и весело. Тем более что Густав всякий раз морщился, затыкал нос и ругал трактирщика последними словами. Публика хохотом встречала каждое крепкое словцо, аплодируя каждой угаданной цифре.

«Этот молодой человек проявляет незаурядные способности в сквернословии», – досадовал про себя Хуберт.

После представления циркачи удалились в свою каюту. Вольф выглядел как будто довольным.

– Неужели Густав не может просто шептать цифры! – возмущался трактирщик.

– Если хоть один зритель заметит, что Густав шевелит губами, номер провалится. Все поймут, что это подсказка. А так, когда он постоянно произносит ругательства, на губы никто не смотрит.

– Вот тебе пример железной логики, старина! – Желински театральным жестом воздел руку к потолку.

– Э-э-э, тут не поспоришь. А по-моему, Вольфи просто не хочет учить английский.

– Я учу! – воскликнул Вольф. – Хотя знали бы вы, как мне трудно с этим мириться! Эти англичане так всё коверкают. Цифры звучат так коряво, хоть волком вой.

– Скорее волчонком, – не сдержался Хуберт.

– Осторожнее, Хуберт, я уже выучил несколько ругательств на английском, – не остался в долгу Вольф.

Спор закончился походом в бар. Хуберт ворчал только для видимости. Он начал входить во вкус, и ему нравилось это циркачество.

– Густав, тебе не кажется, что коротышка морочит нам голову? – поинтересовался трактирщик, когда Вольф ушёл в каюту.

– Возможно.

– Этот разговор между кэпом и старпомом, который он якобы подслушал…

– Признаться, я тоже так подумал. Зато наш номер прошёл проверку и не провалился. Теперь мы спокойно можем сидеть в баре, а не прятаться в каюте.

– Не скажи, Густав. Ведь коротышка дважды ошибся. Хорошо, что публика не придала этому большого значения. Только и жди от него очередной подвох. Кто знает, что ещё может выкинуть этот хитрый гном.

– Зачем ты так про него?

– Тебе ли укорять меня в грубости!

– Ну ладно, прости уже, я немного переживал. Боялся, что зрители услышат мой шёпот. Получилось как-то само собой. Все эти словечки, то есть ругательства, как будто всплывали из далёкого детства. Отец возвращался из трактира и бранил всех и вся. Он любил бывать в твоём заведении, между прочим, – многозначительно глянул Желински на трактирщика.

– Признайся, ты струсил, когда началась качка. Поди решил, что нож вонзится между глаз, – допытывался Хуберт.

– Уже нет, я тебе доверяю.

– Спасибо, Густав. Давно хочу спросить, – бывший шкипер заговорил шёпотом и озираясь по сторонам, – что ты будешь делать со своей долей, если мы их… ну, сокровища эти, найдём?

– Здесь нет секрета. Возможно, я останусь в Англии, чтобы учиться у тамошних мастеров. За этой архитектурой будущее. На родине в таком стиле пока никто не строит. Чтобы люди поверили, нужен достойный образец, причём у нас, в Саксонии. Я хочу построить здание в этом стиле на собственные средства.

– Общественное здание?

– Конечно.

– А может, мы построим новую современную таверну или гостиницу с рестораном? Буду там управляющим… Я бы отлично справился.

– Я подумаю, Хуберт. Но зачем тебе это?

– Что именно?

– Ну, все эти трактиры, отели. Ты же морской бродяга, застрявший на якоре. Посмотри, как легко ты согласился на эту авантюру с поездкой.

– Это другое…

– Да брось ты. Лучше не забивай голову. Отправляйся путешествовать. Что тебя держит в Лошвице? Ты же не связан

обязательствами. А когда появятся деньги, неужели что-то заставит тебя торчать в этой пивнухе?

– Одной из лучших, между прочим, на правом берегу Эльбы, – в голосе Хуберта послышались нотки обиды.

– Пусть даже самой лучшей в Германии. А-а-а, так ты об этом мечтаешь? – воскликнул Густав, подняв свою рюмку и сделав из неё небольшой глоток.

– Ну, я пока не думал.

– Скажи, Хуберт, ты азартный человек?

– Пожалуй, нет.

– Я – азартный, – заявил непонятно откуда появившийся Вольф.

– А-а-а, наш маленький друг. Ты? Ну, ты не в счёт… Хотя… Хуберт, взгляни в окно. Мы пересекаем красивейший и коварный пролив. Немало смельчаков пытались его переплыть, и кое-кому удалось.

– Что именно удалось? Умереть от переохлаждения? – съязвил трактирщик.

– А вот и неправда. Лет двадцать назад твой коллега, капитан Мэйн или Вэйн, переплыл его в одном купальном костюме. Только он обильно намазался то ли гусиным, то ли дельфиньим жиром. Температура воды здесь даже летом не превышает восемнадцать градусов. И знаете, друзья, что ещё его согревало?

– Любовь подруги. Или, может, жены? – усмехнулся Хуберт.

– Ну же, Хуберт, разве можно так узко мыслить?

– Обещание… э-э-э… Или нет. Он заключил пари? – предположил Вольф.

– И да и нет, Вольфи. Вэйн был просто болен идеей переплыть Ла-Манш. Его задевало, что другие это смогли. Некий американец сделал это. Правда, он жульничал. Хитрец плыл на спине и в специальном резиновом костюме. Вейн, как истинный джентльмен, был в обычном купальном костюме. А по пути согревался напитком собственного изобретения. И как вы думаете, что это было?

Хуберт почесал нос, Вольф сжал губы, а уголки рта поползли вниз.

– Не мучайтесь, друзья! Это был вишнёвый бренди, перемешанный с куриными яйцами. Он его придумал во время тренировок. Кроме прочего, напиток повышает выносливость. По пути, а от берега до берега тут немногим больше тридцати километров, Вэйн повстречал стаю медуз, и одна ужалила его. И только этот волшебный бренди помог завершить многочасовой рывок. Вольфи, вот ты хорошо плаваешь? – обратился Густав к маленькому другу, странно прищурив глаза.

– Не жалуюсь.

– Ты бы смог проделать такое же, скажем, за пятьдесят марок? – не отставал Желински. – Сейчас конец мая, но вода в море ещё ух какая холоднющая.

– Да ну тебя, жадина, сам плыви за эту мелочь, – сказал

Вольф и вышел из бара.

– Эх, Густав, меня ругаешь, а сам обидел нашего малыша, – укоризненно покачал головой Хуберт.

Через четверть часа белые меловые скалы были уже отчётливо видны.

– Эх, Густав, незабываемое зрелище! Давненько я их не видел.

– А я их видел совсем недавно, такие громадины и все белые, ослепнуть можно.

– А где, кстати, гном? – поинтересовался нетвёрдым голосом Хуберт. Местный ликёр пришёлся ему по вкусу.

– А вон плывёт, – ответил Густав, указывая в сторону берега.

Пловца трудно было разглядеть. Моряки уже спускали на воду шлюпку, чтобы плыть за безумцем. Старший помощник отдавал чёткие приказы, поглядывая в сторону Густава и Хуберта. Те только разводили руками и глупо улыбались.

Когда моряки выловили карлика и втащили в шлюпку, он него воняло рыбьим жиром. Моряки недоумевали:

– Этот тот самый циркач, который отгадывал цифры.

– Я вижу, а почему от него так воняет?

Когда мокрого и недовольного Вольфа доставили на палубу, публика обступила его. В первых рядах оказались два особенно весёлых типчика.

– Что это ты учудил, дружище? Мы же даже не заключили

пари, – бодро приветствовал своего друга Густав.

– Но про пятьдесят марок ты заикнулся, и вот эти два месье тому свидетели.

Публика начала аплодировать, а Хуберту пришлось уплатить штраф за эту выходку.

Вернувшись в каюту, трактирщик застал мирно беседующих приятелей.

– Вольф, что это всё означает? – обратился трактирщик к герою.

– Я импровизирую!

– Тогда объясни нам, дружище!

– Ещё во время представления я понял, что наш номер никуда не годится. Мы провалимся, если покажем его в Англии.

– Но разве не ты говорил, что номер нужен на всякий случай?

– Всё верно. Случай представился, и мы едва не попали впросак с этими дурацкими цифрами на мишени. Я стал думать, а тут Густав со своим рассказом о капитане Вэйне. Я хотел поделиться идеей, но два джентльмена за соседним столиком навострили уши и ловили каждое слово из рассказа Густава.

– Ну хорошо, а в чём же твоя идея?

– Извини, что перебиваю, Хуберт, но, Вольфи, где ты раздобыл жир? – вступил в разговор Густав.

– Это было самое сложное. Я нашёл его у судового вра-

ча-француза.

– Ты украл у него рыбий жир?!

– Нет, но мне пришлось немного подыграть, чтобы его заполучить. Но речь не об этом… Самое главное! После этого заплыва я могу две-три недели притворяться больным, и мы избежим показа представления. Если нам этого времени не хватит, будем придумывать дальше.

– Вольфи, ты хочешь сказать, что не будешь участвовать в поисках сокровищ? – вернулся к своему вопросу Хуберт.

– Конечно нет, зато я буду мозговой центр.

VI

Ранним утром в тускло освещённом коридоре отеля «Гений» в тишине, нарушаемой то далёким, то близким храпом постояльцев, скрипнула дверь. В образовавшейся щели на высоте не более полутора метров от пола показался длинный нос, а затем его обладатель – Вольф. По ту сторону двери мирно спали Хуберт и Густав. Скрип не в силах был их разбудить: накануне у молодого архитектора разболелся зуб, и он весь вечер лечил его с помощью бренди. У трактирщика случилось несварение, потому что он вдоволь полакомился кальмарами. Желудок старого шкипера не выдержал, и только под утро он уснул. Зато Вольф, несмотря на все угрозы и предупреждения, в одиночку отправился на вылазку.

Ближе к обеду циркачи начали беспокоиться.

– Густав, тебе не кажется, что наш малыш слишком деятельный?

– В ближайшие день-два он наши глаза, хотя мы рассчитывали только на уши.

– Меня пугает, что он иногда действует вопреки намеченным планам.

– Такова его натура. Он привык импровизировать. Смотри, как ловко он влился в нашу компанию. И ведь не побоялся, что ты его спустишь с лестницы в тот первый день.

– У меня так и чесались руки, – подтвердил Хуберт.

Стук в дверь заставил их отвлечься от разговора. В гостиную, наклонив вперёд голову, чтобы не задеть притолоку, протиснулась необъятная фигура полицейского. Из-за его ноги выглянул Вольф.

– Вуаля! Хуберт, представление начинается!

– Моё почтение, джентльмены! Моё имя – Уильям, констебль полиции Кента. Ваш приятель совсем не говорит на английском, но я догадываюсь – вы те самые циркачи, которые прибыли на днях на пароходе «Виктория».

– По какому праву вы его задержали, констебль? Разве незнание языка уже нарушение закона?

– Простите, джентльмены. Ни в коем случае… Он пытался проникнуть в охраняемый гарнизон. Там же везде указатели, но… Дуврский замок уже очень давно – военный объект. Но такая настойчивость… Можно было бы подумать, что он шпион.

– Простите нас, констебль, мой друг очень любознательный и… очень способный. Пригласивший нас четвёртый граф Коттерхэм вскоре сможет в этом убедиться.

Говоря это, Густав поймал укоризненный взгляд Хуберта.

– Но у нас есть неотложные дела в Дувре, и мы здесь пробудем какое-то время. Да, вот ещё… Вчера мой коллега отравился в ресторане гостиницы, а у меня из-за морского климата разболелся зуб. Констебль, не посоветуете хорошего дантиста?

– Хм-м… Что ж, мы рады гостям. И у нас в городе

отличные дантисты. Хотя бы на Фолкенстонроад или Биггин-стрит, только не ходите на Чёрч-стрит к Стэнли Крампу, останетесь без зубов, как мой кузен.

– Благодарю вас, сэр!

– Сам я не видел, но слышал от горожан. У этого дантиста есть чёрная бархатная шапка, он якобы пришивает к ней разрушенные зубы и выходит в этом странном головном уборе на улицу.

Констебль откланялся, и скоро послышались его удаляющиеся шаги по коридору.

– Интересно, почему мы не слышали эти «бух-бух», когда Вольфа только вели в номер? – Густав уселся на край стула и пристально посмотрел на Хуберта, будто что-то обдумывая.

– Я их как раз слышал, но решил, что посыльный чинит пол, – едва заметно улыбнувшись, ответил бывший капитан. Он почувствовал перемены к лучшему, в желудке перестало урчать. – Как по-твоему, Густав, чем этих полицейских кормят в детстве, что они вырастают с жирафа?

– Овсянкой! – скорчив гримасу, опередил Вольф. – И зубы будут целы.

– Это ещё почему? – улыбнулся Хуберт.

– Потому что мы с братом её не любили, хотя няня заставляла.

– Вольфи, браво! Но вот что меня беспокоит… тебя нельзя оставить одного! Я ещё не принимался за афишу, а о нас уже знают в городе, – упрекнул Густав.

– Друзья, я повторяю: представления не будет. Мы выставим себя на посмешище. Нам нужно действовать быстро, если не хотим оказаться в полиции как шпионы, – настаивал малыш на своём.

– Вольфи, ты уже у них на примете как шпион Германской империи. Скажи, зачем ты туда полез? – заметил Хуберт.

– Я просто вошёл через ворота, которые… их никто не охранял. Никого поблизости я не заметил. Иду, гуляю, никого не трогаю, осматриваю окрестности – и вдруг из-за какого-то каменного сарая два бездельника, по пояс голые, и прямиком ко мне. Я от них, а полицейский как будто уже ждал, схватил меня.

– Вольфи, у них там стоит гарнизон, причём давно. Этого мы не учли. Я слышал, что во время наполеоновских войн под Дуврским замком вырубили тоннели, и там размещали солдат. Казармы располагались на глубине пятнадцати метров. Но я был уверен, что сейчас военных там нет, – высказал свои сомнения Густав.

– А они там были! И там их, кстати, как слепней летом у воды.

– Но при чём тут замок? Ты просился в порт – посмотреть-поразнюхать…

– Да там скука смертная. Кричат чайки, воняет рыбой и ржавчиной. Может, Хуберту такое в удовольствие, но не для меня. К тому же моряки стали на меня коситься, и я решил подняться на меловой утёс. Ведь жирный крест на карте на-

рисован примерно в том месте, где эта крепость.

– Очень недурно, Вольфи. У меня тоже были предположения, что сокровища спрятаны в тоннелях замка. Но раз внутри военные, а в округе рыщут констебли, мы не сможем туда попасть, – размышлял Густав. – Хуберт, что вы думаете об этом?

– Э-э-э, благодаря нашему малышу мы чуть не оказались в участке, но его вылазка оказалась полезной, – проскрипел трактирщик.

– Ха, она полезна вдвойне. Мы тут можем легко задержаться, пока лечим зубы и животы. Но есть и минусы – некоторое время нам не стоит появляться кучкой в людных местах, – заключил Вольф.

Густав и Хуберт молча уставились на малыша – тот, подражая неуклюжей походке констебля, дошёл до двери и выскользнул из номера.

– I'm going to lunch, – раздалось из коридора.

Пока малыш лакомился пирогами с бараниной и печёным картофелем, запивая имбирным пивом, его приятели, поразмыслив, решили, что нужно провести разведку в окрестностях замка.

А позже сытого и довольного малыша посвятили в план действий. Вольф воспринял услышанное в штыки, но, узнав подробности, успокоился. Ему предстояло, сидя на дереве, наблюдать за полицейским, а с наступлением темноты сдать

пост кому-то из компаньонов. Желински предположил, что полицейский обходит замок и ночью, освещая путь масляным фонарём. Сам днём отправится в библиотеку, чтобы поискать информацию о капитане Гордоне, может, что-то попадётся в периодических изданиях или в справочниках удастся наткнуться на имя Дон Рогбер, о котором рассказал старый рыбак. Хуберт, владеющий языком матросов и докеров, расспросит их в порту.

На следующий день Вольф забрался на дуб с густой кроной и устроил там пункт наблюдения. С дерева циркач отчётливо видел вышагивающего констебля и определил, что круг тот совершает за полчаса. Через каждые два часа он менял направление движения. Оставалось дождаться ланча, чтобы понять, оставляет ли он свой пост на время трапезы. Сам Вольф перекусил припасённым хлебом с сыром. Вскоре малыш выяснил, что констебль продолжал бдение без перерыва на обед, но вечером его сменили.

Первый день совместных поисков не принёс ничего, кроме разочарований. Густав вернулся из библиотеки с пустыми руками. Без четверти одиннадцать вечера приковылял Вольф. Спускаясь в сумерках с дерева, он наступил на сухой сук, тот обломился, и Крисп спланировал с высоты двух метров. Для настоящего акробата высота пустяковая, если бы не выступающий корень, на который он приземлился. Лодыжка опухла, но к врачам соваться было нельзя, чтобы не привлекать внимание.

Хуберт пришёл около часа ночи. Всё это время он просидел в портовом погребке. Перед тем как уснуть, он бормотал, что его погубил коварный светлый эль.

– Что ж, Вольфи, наш старина дорвался… Дома, в Лошвице, он был под присмотром жены. К тому же сами хозяева трактиров должны держать себя в руках, – утешал Густав малыша, который рассчитывал на помощь старого морского волка. Опухоль не спадала.

– Ещё один день впустую… – сокрушался Крисп.

– Почему же? Твой результат самый впечатляющий. Теперь мы точно знаем маршрут констебля и время смены патрульного. А ещё – что во время смены он не обедает.

– Только вот что нам это даёт, Густав? Мы всего лишь строим догадки. А если сокровищ нет возле замка, и они где-нибудь в Австралии или вообще на необитаемом острове? Ещё неделя таких безуспешных поисков, и мы вынуждены будем сниматься с якоря. А там домой или в Лондон, где легко можно затеряться и где от нас ничего не ждут, – ныл Вольф.

– Всё не так печально. Выше нос, этакий ты ворчун! Ты завтра остаёшься в номере. Нарисуешь примерную схему патрулирования, напишешь время – в общем, всё, что тебе удалось узнать. Надеюсь, нам это поможет. У меня есть кое-какие мысли. Опять отправлюсь на поиски, а ночью прослежу за вторым полицейским. Кстати, расспросил портье, который начал беспокоиться, когда увидел, что тебя привёл

констебль Уильям. Так вот, этого второго зовут Бакстер, и он громила похлеще напарника.

– А как же наш старина трактирщик? – Вольф кивнул в сторону спящего Хуберта.

– Завтра он будет бесполезен. Как проспится, пусть поможет тебе с ногой.

– Пытаешься меня взбодрить, Густав? Пока не расскажешь, что у тебя на уме, я не усну, – поставил условие хитрец-коротышка.

– Ну, хорошо. Я хочу проверить одну догадку.

– О чём это ты?

– Я вот думаю, что наш капитан Гордон, похоже, не смог или не захотел воспользоваться награбленным и спрятал его. Возможно, кроме карты, существуют ещё какие-то подсказки. Он мог оставить какие-то знаки… Я хочу ещё раз внимательно почитать про эти места, может, что-то наведёт меня на разгадку. После обеда я еду в Лондон. Попробую найти адрес или родню этого коллекционера. Где-то же он приобрёл эту картину…

VII

Утром Хуберт сидел на кровати, кряхтел и растирал виски. Голова гудела, щебетанье птиц казалось навязчиво-звонким, солнечный свет слепил и раздражал. Вольф что-то рисовал на салфетке, облокотившись о край стола.

– Что случилось с англичанами? – спросил будто сам себя трактирщик. – Это же оголтелый народ. Ты только представь, Вольфи… Мы сидели за стойкой в настоящем склепе. Ничего хуже я не видел. Стойка из крашеного дерева, засалена, изрезана, истёрта. Посетители сплёвывают тут же. Окурки бросают под ноги на опилки. Завсегдатаи играют в карты, делают ставки. Кто-то стучит по клавишам разбитого пианино, уши вянут от разноголосого пения… Кто-то что-то продаёт, кто-то покупает, и все довольны, понимаешь, будто так и надо! Отвратительное заведение.

– Но это не помешало тебе просидеть там почти до утра…

– Я встретил замечательного собеседника, – поднялся с кровати трактирщик, растирая коленку.

– Что ж такого интересного он тебе рассказал?

– Сейчас толком не вспомню… Но у нас много общих воспоминаний. Ничего конкретного капитан не говорил. Фу-у, как же мне нехорошо! Вольфи, дай-ка взгляну на твою ногу, – Хуберт присел на корточки возле малыша Криспа. – Опухоль немного спала, но сегодня лучше посиди в номере.

К завтрашнему утру я поставлю тебя на ноги.

– Ты вот всё опилки ругаешь, а в цирке их специально насыпают, чтобы в манеже не больно было приземляться.

– А ты падал?

– Конечно, и не один раз! – Вольф посмотрел на иссечённый мелкими морщинами лоб трактирщика. – Знаешь, меня, да и брата, называли «опилочный ребёнок». Потому что мы родились в шапито.

– Опилки, шапилки…

Хуберт выпрямился и, продолжая ворчать, пошёл выпить воды.

Вольф продолжил рисовать маршрут и через некоторое время услышал тарахтение. Оглянулся – старый шкипер спал, чуть прихрапывая, развалившись в кресле, на блаженном лице блуждала улыбка.

Поздно вечером Густав вернулся в приподнятом настроении. О Дувре он не нашёл ничего интересного, кроме местных легенд. Зато в прошлогоднем номере «Таймс» он натолкнулся на интересное рекламное объявление. Некто Тотли Грин покупает картины старых авторов, вещи, драгоценности в любом состоянии. Он наведался по адресу, который был указан в объявлении. Вдова коллекционера рассказала, что лет десять-двенадцать назад её покойный муж приобрёл две дюжины картин на морскую тематику у какого-то старика из Дувра. Коллекция распродавалась медленно, и только год назад какой-то молодой человек приобрёл последние

семь картин из тех самых.

– Похоже, это наш Смит, – закончил рассказ Желински. – Каким-то образом он прознал, что в одной из картин спрятан секрет. Не обнаружив ничего ценного, он решил, что его надули. Иначе чем объяснить, что почти полгода он никак себя не проявлял. Ты следишь за ходом моих мыслей, старина Хуберт?

– Да-да, продолжай, дружище. Мы с Вольфи как два огромных уха.

– Тогда дальше ты должен сам обо всем догадаться!

– Вольфи, ты всё уловил? – обратился за поддержкой Хуберт. – Я сегодня, признаться, туго соображаю.

– Густав, объясни нам, мы не можем ухватить суть, – подзадорил рассказчика Крисп.

– Как мне представляется, – Густав наклонился над рисунком Вольфа на салфетке, – Смит выяснил что-то новое, а скорее всего, старик-коллекционер обнаружил, что одна картина из коллекции у него всё-таки осталась, и решил её вернуть или продать.

– Кстати, Густав, ты не помнишь, что было изображено на той картине?

– Я видел только изнанку, она лежала изображением вниз. Я так растерялся, что не догадался перевернуть. Но вдова коллекционера сказала, что на многих картинах изображены морские бои, а на одной – захват судна пиратами. Она сказала, что это подражание Уильяму Тёрнеру. К сожалению,

старика, который привёз картины, она не запомнила.

– Густав, ты говоришь, старик из Дувра… Я кое-что начинаю вспоминать. Мой новый приятель, капитан, с которым мы вчера так хорошо посидели, упоминал одного странного садовника, который ухаживал за садом Дуврского замка. Старик был тихий, в паб заходил редко, но не дай Бог его разозлить. Как-то был случай, он отделал сразу троих. Жил он один, очень скромно, но поговаривали, что в его лачуге якобы видели произведения искусства. Но когда старик умер, внутри ничего особенного не обнаружили.

– Хуберт, а имя старика твой капитан не называл?

– Какой-то Робби или Рогги.

– Придётся осмотреть местные достопримечательности, – сделал вывод Желински. – Хуберт, как ты смотришь на возможность побеседовать со сторожем дуврского кладбища?

Густав, воодушевлённый успехом, вызвался провести ночь возле замка, понаблюдать за констеблем. Вернувшись утром, он выглядел молодцом, записал все подробности, потом присел в кресло и сразу уснул. Вольф ещё прихрамывал, поэтому на могилу к старику-садовнику трактирщик отправился в одиночку. По мнению Густава, там мог крыться ключ к разгадке.

Трактирщика не было около двух часов. Густав за это время успел выспаться, тогда как Вольф сидел неподвижно и

о чём-то размышлял. Он очнулся, только когда в номер вошёл Хуберт.

– Вот вам и ключ, – заявил с порога старый шкипер, положив на стол свою записную книжку.

– Что это? Выкладывай, старина, что тебе удалось выяснить?

– Почти ничего! Удача повернулась к нам тыльной стороной. Целых полчаса я бродил по местному кладбищу и так и не нашёл могилу Рогги. На многих плитах были изречения на латыни. Если бы не кладбищенский сторож, я бы её никогда не отыскал. На плите нет имени, зато была выбита эпитафия. Я её записал.

– Ars est celare artem, – старательно прочитал Вольф.

– «Искусство – в умении скрыть искусство». Если это ключ, что он означает? – продолжал Хуберт.

– Скверно! Я рассчитывал на большее… – Густав был раздосадован.

– Впрочем, я осмотрел внимательно всю плиту и с обратной стороны обнаружил ещё одну надпись. Похоже, плита была испорчена, и её отдали на могилу старика.

– Ты записал ту, вторую, Хуберт? – оживился Желински.

– Да, вот она, – Хуберт перевернул страничку и прочитал: – In hoc signo vinces[1].

– Дружище, а почему первая буква у тебя с загогулинами? – поинтересовался Густав. – Ещё руки дрожат?

---

[1] Сим победиши (с лат.), под этим знаменем победишь.

– Ничего у меня не дрожит, так было выбито на плите, – обиженно буркнул трактирщик.

– Ты точно срисовал эту первую букву? – молодой человек въедливо уставился в блокнот.

– Да, там над этой первой «I» были какие-то ответвления с кружочками на концах. Похоже на фантазии резчика.

– Стоп! – восторженно воскликнул новоявленный криптограф. – Ты даже не представляешь, какой ты молодчина, Хуберт. И фантазии резчика тут ни при чём! Вторая эпитафия не случайность. Думаю, это и есть послание. Ключ или шифр, но пока не понимаю, что он означает. Постойте-ка… Я кое-что понял… У этого мерзавца Смита ум преступного гения. Похоже, он тоже побывал на могиле, но прочёл только первую эпитафию. Его подвели юность и пылкий характер… Ты, Хуберт, оказался мудрее. Кроме того, у нас есть карта.

– Слушайте, первая буква похожа на дерево! С листьями! Ведь старик был садовник, – высказал своё мнение Вольф.

– Ты гений, малыш! – радовался Густав. – И это не просто дерево. Это особенное здешнее дерево! Одна из местных легенд гласит, что некий солдат из гарнизона Дуврского замка убил человека палкой. Он был уверен, что избежит наказания, поскольку вокруг не было ни одного свидетеля его преступления. Солдат был странный тип и заключил сам с собой сделку. Он воткнул палку в землю неподалёку от дороги и загадал, что его тайна не будет раскрыта, пока палка не пустит корни. Его полк отослали в военный поход в другую страну.

Когда через двадцать лет солдат вернулся, он приехал в Дувр и обнаружил, что палка превратилась в стройный ильм, или по-другому вяз. Солдат признался в своём преступлении, и его повесили на суке этого дерева. Вольфи, что за дерево, на котором ты сидел в засаде?

– По-моему, дуб, но ближе к крепости я видел огромное раскидистое дерево. Может, это и есть ильм?

– Хорошо, предположим, что старый ильм там действительно есть, – пустился в рассуждения трактирщик. – Но какой шанс, что именно под ним спрятаны сокровища?

– Никакого, Хуберт. Но стоит попробовать. Разве мы здесь не за этим?

– Густав, где у тебя карта? Дай-ка ещё раз на неё взглянуть, – старый трактирщик приблизил лицо к изображению местности. – Нет, так мне не разглядеть. Нужно одолжить увеличительное стекло у консьержа.

Вольф встал и, слегка прихрамывая, пошёл за увеличительным стеклом.

– Густав, а наш малыш уже скачет козлёночком! Ушиба как не бывало. На нём всё заживает как на собаке.

– Да, он молодчина и наша палочка-выручалочка.

– Не перехвали Вольфи, а вот, кстати, и он.

Благодаря увеличительному стеклу открылись новые подробности, которые невозможно было увидеть невооружённым глазом.

– Смотрите, крестик, которым отмечен Дувр, с такими же

отростками, как и на могильной плите. Как вам это совпадение? – выпалил циркач Крисп.

– Поразительно, Вольфи. Теперь, друзья, нам нужны будут инструменты кладокопателей, – объявил Желински.

– Густав, а ты сможешь отличить ильм от ясеня или платана?

– Через два часа будет вам рисунок этого самого ильма, – молодой архитектор, высоко подняв голову, вышел за дверь.

Через четыре часа друзья рассматривали угольный набросок дерева на фоне замка. На вопрос о задержке Густав признался, что познакомился с художницей. Они сидели под любимым дубом Вольфи и разговаривали, забыв про время.

– Сперва я принял её за юношу – сидит перед мольбертом этакое эфирное создание… тёмные кудри выбились из-под берета, куртка свободная висит на узких плечах. Софи мне потом объяснила, что на пленэре надевает куртку поверх платья, чтобы не испачкать.

Хуберт и Вольф переглянулись.

– Кстати, Софи в восторге от творчества Уильяма Тёрнера. Она рассказала, что у художника целая серия живописных полотен с пиратами. Может, и та, в которой была карта, копия… Да, Софи говорила, что этот Тёрнер жил в Дувре во время обучения и рисовал Дуврский замок. Но это уже не так важно.

– Густав, а это точно ильм? – в сомнениях покачал головой трактирщик.

– Абсолютно! Прогуляйся завтра сам в окрестностях замка, а мы с Вольфи раздобудем всё необходимое для копателей.

За инструментами Густав и Вольф отправились в Лондон. Покупку лопаты и топора в одной из местных лавок можно было объяснить спецификой циркового номера, но вот масляный фонарь и лом… Такой набор мог навести на определённые мысли. Пока приятели рыскали в поисках инструментов, Хуберт решил ещё раз изучить место вокруг ильма. «Пока клад лежал в земле – если он действительно там зарыт, как думает Густав, – крона ильма разрослась, – размышлял Хуберт. – И трава под деревом не вытоптана. Значит, полицейские не пускают сюда гуляющих».

Пройдя чуть дальше, он остановился возле дуба. Солнце пробивалось сквозь густую крону, отбрасывая блики на сочную пышную зелень и участки вытоптанной земли.

«Как будто стадо слонов прошло… Если клад под деревом, то именно под тем раскидистым гигантом. Интересно, оно не засохнет, если мы повредим корни?» – думал Хуберт, разглядывая издалека ильм.

Пора уже было возвращаться в номер отеля, когда Хуберт увидел своего приятеля из портового паба. Трактирщик вытянул руку в его направлении и хотел окликнуть, но вспомнил, что к вечеру должны явиться Густав и Вольф. А уже но-

чью им, возможно, предстоит серьёзное дело. Он повернулся и заторопился прочь, но тут раздался знакомый голос:

– Хуберт, старый башмак, ты куда так рванул? Неужто решил сбежать, не поздоровавшись?

Трактирщик не стал выкручиваться.

– Я всегда рад тебя видеть, капитан Симс. Вот только нам с приятелями завтра предстоит одна вылазка, и я должен быть свеж, как только что выловленная макрель.

– Макрель… Сказал тоже! После трёх-четырёх пинт эля ты будешь бодр и резв, как португальская морская собака.

– Это что за зверь?

– Разновидность глубоководной акулы. Они небольшие, но очень энергичные и свирепые.

Приятели направились в любимый паб. За тремя пинтами последовали ещё восемь. В гостиницу Хуберт вернулся только под утро и рухнул на койку. Ровно в одиннадцать он вскочил и заявил, что бодр, свеж и чувствует себя, как португальская водяная собака.

– Что это за порода, Густав? – поинтересовался Вольф, недоверчиво поглядывая на старину Хуберта.

– Подозреваю, что это такие громадные мохнатые псы-рыбаки. Кажется, португальцы обучают их загонять рыбу в сети и искать потерявшиеся снасти. Собак даже берут на траулеры, – сообщил Желински, с прищуром глядя на трактирщика Шмидта. – Кстати, вылитый Хуберт!

Старый шкипер без злобы покосился на своих приятелей и поплёлся завтракать.

Вернувшись из бара, Хуберт застал живописную картину. Посередине комнаты стоял Густав в тёмном дешёвом костюме с круглым котелком на голове и пялился на себя в зеркало.

– Вот, полюбуйся. Купил костюм трубочиста без примерки, поверил продавцу. А что в итоге? Рукава куртки и брюки мне коротки.

– Не расстраивайся, Густав, ты же не на свидание в нём собрался. Копать в таком костюме одно удовольствие, – ухмыльнулся трактирщик.

– Я действительно вечером иду на свидание с Софи. А одежду заранее отнесу в сарай, в котором сейчас находится весь наш инструмент.

– Как, ты не хочешь выспаться?

– Софи завтра уезжает в Лондон. Да и зачем мне спать? Кому надо отоспаться, так это тебе, Хуберт. Кстати, твой костюм трубочиста на кровати. Примерь, надеюсь, он будет тебе впору.

Костюм оказался бывшему капитану великоват, но ворчать он не стал. В это утро его все радовало.

– Только Вольфи у нас без обновки, – посочувствовал Хуберт.

– Представь, нашлась обнова и на меня, хотя для малень-

кого трубочиста я уже переросток. В Лондоне мы видели ватаги чумазых ребятишек пяти-семи лет, чистильщиков печных труб. Они подсказали, что и где. И это притом, что в доброй старой Англии издали запрет использовать детей в качестве трубочистов.

Густав добавил:

– Кстати, Хуберт, меня дважды принимали за босса Вольфи, а его самого – за трубочиста.

Малыш грустно кивнул и поведал невесёлую историю. Её рассказал один почтенный джентльмен, который пытался нанять Вольфа. В доме, который снял этот джентльмен, засорился дымоход. Прочистить его с крыши было невозможно. И всё потому, что у вытяжной трубы нового очага не было собственного дымохода. Когда очаг выкладывали, трубу встроили в старый дымоход. Получился целый лабиринт. Домовладельцы часто прибегают к такой уловке, чтобы не платить налог за ещё одну трубу. Так вот, один трубочист пообещал почистить трубу, но попросил пустить его в дом. Хозяин решил, что у них свои секреты, и не стал вмешиваться. Про мальчишку-помощника трубочист ничего не сказал. Малыш полез в трубу и, как это часто случается, застрял. Трубочист начал подталкивать мальчишку какой-то острой пикой. Когда острие вонзалось в голую пятку, тот орал. Выбрался малыш сам, но теперь не может ходить.

– Грустная история, Вольфи, но это участь многих бездомных и бедняков. Они готовы на всё ради куска хлеба и

картофелины. Их судьба не тревожат горожан, они живут своей счастливой жизнью. Кто-то в лачуге, кто-то в замке с сотней прислуг. Когда мы выроем наш клад, мы постараемся помочь этому пареньку, – пообещал бывший шкипер.

Вольфи отвернулся к окну и долго смотрел на окрестности, не поворачиваясь. «Вспомнил брата», – догадался Хуберт. Тот ведь тоже прикован к стулу из-за травмы позвоночника.

«Как бы наш малыш не расклеился, – подумал трактирщик. – На его уникальный слух вся надежда».

VIII

Копать они решили под покровом темноты. Густав установил путём наблюдений, что громила Бакстер, а по ночам дежурил именно он, двигается всё время в одном направлении. Полный круг он делает за тридцать пять минут. Ориентироваться на свет масляной лампы, когда она оказывается перед носом, опасно. Полицейский мог их услышать. Поэтому решили так: Густав прячется в засаде примерно в ста метрах выше ильма по маршруту следования Бакстера. Как только блеснёт свет фонаря, он издаёт еле слышный сигнал, который способен услышать только Вольф. Малыш предупреждает Хуберта, тот прекращает копать и прячет свой фонарь в светонепроницаемый ящик. Продолжает он, лишь когда полицейский оказывается достаточно далеко.

Около полуночи странного вида троица приблизилась к Дуврскому замку. Ночью в его окрестностях уже давно никто не появлялся. Каждый знал, что встреча с бдящим Бакстером не сулила ничего приятного. Даже от лёгкого прикосновения рук полицейского на теле появлялись синяки, а что уж говорить о пространных нравоучениях, выдержать которые способен далеко не каждый любитель ночных приключений.

Через пять минут кладоискатели увидели фонарь Бакстера и поспешили спрятаться в зарослях кустарника.

Когда констебль скрылся за поворотом, они перелезли че-

рез низкий каменный забор и оказались возле ильма. Здесь они сложили инструмент и стали ждать очередного прохода полночного полицейского. Из-за небольшого облачка выглянул месяц, и в его неверном свете дерево казалось ещё более огромным и мрачным. Вольф вспомнил рассказы бабки о чудовищном драконе Фавне, стерегущем несметные сокровища. Их саксонская бабка хорошо знала древние сказания и в детстве стращала их ундинами, троллями, демонами и вампирами. Вольф, хотя и был среди друзей, но ощутил лёгкий холодок между лопаток и почувствовал себя совсем одиноким и беззащитным от этих воспоминаний. «Хорошо всё-таки, что, когда начнём копать, я буду не один», – не без дрожи подумал Вольф. Он где-то слышал, что сокровища привлекают всякую нечисть.

Вновь показался свет фонаря полицейского, и они укрылись за широким стволом ильма. Когда Бакстер прошёл, Густав устремился в противоположном направлении и занял свою позицию. Хуберт начал аккуратно вырезать острой лопатой пласты дёрна. Вольф помогал складывать их недалеко от дерева. Земля с бесчисленными переплетениями корней была плотная, плохо поддавалась, и Хуберт немного запыхался. Передохнув пару минут, он продолжил работу. Вольф вытащил часы на цепочке и приблизил свет. Через пять минут должен прозвучать первый сигнал Густава. Вольф ждал, приготовившись спрятать фонарь. Послышалось то ли дуновение ветра, то ли далёкий шум волн или цоканье древесного духа. Вольф понял, что это, наверное, и был сигнал Густава,

хотя они договаривались о другом звуке.

Через час работы Хуберт вырыл большую метровую яму вокруг дерева. Земля стала мягче, но попадались и плотные комья, которые удобнее было разбивать ломом.

Кладоискатели решили меняться каждые полтора часа, но, когда настало время Густава, Хуберт заверил, что полон сил и готов копать хоть до утра, – в такой азарт он вошёл.

Время шло, Хуберт углублялся, но сокровищ всё не было. Трактирщик стал отдыхать чаще и на предложение Вольфа сходить за подменой помотал головой, но так, будто тряс ею, чтобы не заснуть.

Звук при копке изменился, лопата всё чаще ударялась обо что-то твёрдое. Это был мел. Чернота влажной маслянистой земли окрасилась белыми вкраплениями.

Первым сундук увидел Вольф. Почва сбоку ямы очередной раз осыпалась и обнажила часть поверхности большого предмета, который при случайном ударе лома отозвался глухим звуком. От неожиданности Вольф чуть не вскрикнул, решив, что это гроб. Движения лопаты ускорились. И вот показалась массивная ручка. Хуберт тоже её увидел, но почему-то не обрадовался.

– Что случилось, Хуберт? Ты как будто чем-то встревожен, – в ажиотаже прошептал Вольф.

– Взгляни, через кольцо ручки пророс корень, – кивнул тот.

– Ну так отруби его, есть же топор.

– Корень толстый. К тому же мы навредим дереву.

– Хуберт, старый ты брюзга, нашёл время для сентиментальностей. Сделай подкоп под сундук, – зашипел Вольф.

– Ты прав, маленький гений. Я уже что-то плохо соображаю.

Рыть под сундук оказалось невозможно, он стоял на меловой плите. Хуберт отказался рубить корень, и Вольфу пришлось бежать за Густавом.

– Что ты ещё удумал, старый педант? – возмутился Желински.

– Меньше слов. Погаси фонарь и берись за корень. Вольфи, не стой статуей, хватайся. Втроём мы его точно осилим, – распорядился защитник деревьев.

Они так увлеклись, что забыли об осторожности. Корень трещал, но не поддавался. Густав ещё раз предложил его перерубить, но получил очередной отказ. Спорить было бесполезно. Хуберт ещё дальше подкопал корень, и дело пошло. Тянуть стали рывками.

– Вы слышали английскую сказку про гигантскую репу? – иронизировал Густав.

– Откуда, у нас же с Вольфи нет лондонских подружек, – язвил Хуберт.

– Кстати, это Софи мне её рассказала, – усмехнулся молодой человек. – Смысл сказки в том, что любую трудность легче преодолеть сообща.

– Моя бабка, которая знала почти все сказания и легенды,

никогда нам не рассказывала про репку. Или ты так намекаешь, что я слабо тяну? – оторвался от корня и поплевал на ладони Вольф.

– Что ты, Вольфи, – Густав стряхнул комки почвы с брюк костюма копателя. – Сейчас я расскажу её. Один фермер всю жизнь выращивал пшеницу, а тут ему вдруг захотелось репки. Фу, кажется, поддаётся! Так вот! Он посадил семечко, ухаживал, и выросла она настолько большая, что сам он вытянуть её не смог. Позвал жену, потом сына, а затем и кошку с собакой. И только когда прибежала на помощь мышь, они с репкой управились.

– Что же ты, Густав, не позвал свою мышку-подружку? – сделал последний рывок малыш, ухватившись за упрямый корень.

При этих словах корень выскочил из бокового кольца. Густав и Хуберт устояли, а Вольф пролетел над кучей земли и покатился по траве. В этот момент из-за угла вспыхнул танцующий огонь, и на дорожку легла тень констебля. На мгновение она замерла. Вольф, лежавший на земле, зажмурился. Хуберт и Густав, наоборот, вытаращили глаза. Ещё через секунду они услышали топот и мелькание света. Грозный Бакстер рванул с места и со скоростью ветра скрылся за поворотом.

– Похоже, готовится к марафону, – кивнул ему вслед Хуберт.

– Нашего бесстрашного Бакстера что-то сильно напуга-

ло, – задумчиво произнёс Густав.

Дальше всё шло как по маслу. Сундук вытащили. Хуберт и Вольф быстро забросали яму, заложили дёрном и ещё раз ощупали ладонями, не осталось ли комьев земли на траве. Когда кладоискатели двинулись в сторону дома, начинало светать.

– Весит, как яшка! – пыхтел старый шкипер.

– Какой еще «яшка»? – Густав тоже ощущал свинцовую тяжесть сундука, но помалкивал, ведь он не копал.

– Якорь так называют! – Хуберт махнул свободной рукой, хотя в темноте этого никто не увидел, и остановился передохнуть.

– Не представляю, как Гордон тащил и закапывал в одиночку этот сундук… – рассуждал малыш-кладокопатель, который шёл впереди и не помогал приятелям нести находку.

– Может, у него был сообщник, которого он потом тюкнул по темечку и зарыл там же. Хуберт, тебе там скелет не встречался? – Густав достал белоснежный платок из кармана костюма и вытер вспотевшее лицо.

– Нет, господин архитектор. Всех скелетов вы распугали своим злобным шипением, – отмахнулся бывший капитан.

– Не придумывай, дружище, я подавал сигнал Вольфи, как договорились.

– А Вольфи мне сказал, что сперва принял твой сигнал за шум ветра. Даже я пару раз слышал твой позывной, он показался мне странным, – стоял на своём Хуберт.

– Тебе почудилось, старина. Признайся, ведь тебе было страшно?

– Было немного. Особенно когда я представил, что констеблю взбредёт в голову изменить своим правилам и пойти в обратном направлении. Я вообразил, как эта туша в триста фунтов вырастает у меня за спиной.

– Бр-р-р! Мы даже не подумали, что он может выкинуть такой финт. А ведь ночь и правда прохладная, – поёжился Желински.

Когда сундук занесли в сарай, было около четырёх утра. Вольф потянулся зажечь масляный фонарь, но чуть не уронил его – тишину прорезал лошадиный храп. Это Хуберт, свернувшись калачиком на куче соломы, отчаливал в царство Морфея. Приятели решили оставить его ночевать в сарае до утра, а сами вернулись в номер отеля, предварительно припрятав недалеко от сарая лом, лопату и топор.

IX

Проснувшись рано утром, кладоискатели Желински и Крисп сразу устремились в уютный сарай. Дверь была распахнута – внутри ни старого трактирщика, ни сокровищ. К такому повороту они не были готовы. Густав во второй раз за последние полгода почувствовал себя обманутым и разочарованным в человеке и его высшем предназначении.

Вольф был уверен, что морской бродяга дал дёру. Впрочем, после завтрака в кофейне, где они отведали мясные котлеты, яйца вкрутую, запив чаем, Густав ощутил прилив гуманизма. Он предположил, что старик – так между собой звали вполне ещё бравого Хуберта его молодые компаньоны – сидит в каком-нибудь пабе, а прихваченный сундук стоит где-то поблизости.

– Раз так, не прогуляться ли нам к замку? – говоря это, Крисп ещё раз заглянул в сарай, мимо которого они проходили.

– Ты как будто воспрянул духом, Вольфи, – обрадовался Густав. – И я того же мнения.

Возле Дуврского замка было на редкость мало народу. Подойдя к ограде, приятели убедились, что всё как нельзя лучше: дёрн вокруг старого ильма уложен ровно, без бугров. На какое-то мгновение оба замерли на месте, вспоминая прошедшую ночь. Столько страха они натерпелись…

– Доброе утро, джентльмены!

От неожиданности Вольф подскочил как ужаленный, а Густав вздрогнул. Лица копателей исказила гримаса ужаса. Повернувшись на голос, они увидели сияющего констебля Уильяма.

– Прекрасное место для утренней прогулки, не правда ли?

Новые знакомые констебля не спешили отвечать. Густаву почудилось, что он проглотил лом, что до Вольфа, он силился врасти в стену. Малыш помнил голос здоровяка, и этого было достаточно.

– Странно, но мне показалось, что вы что-то здесь ищете?

– Простите, констебль! Вам действительно показалось. Утро и правда чудесное, и мы с коллегой решили прогуляться. Хотим настроиться на репетицию, – наконец успокоившись, нашёлся, что сказать, Густав.

– О, это замечательно! А то я уже, признаться, стал думать, что у вас возникли какие-то трудности. У вас правда всё хорошо?

Густав молчал, будто обдумывая ответ. И тогда на помощь пришёл Вольф, который понял, о чём спрашивает полицейский.

– Всё в порядке, констебль! – выпалил малыш, отклеивая себя от стены.

Полицейский слегка повернул голову и взглянул на Вольфа.

– У вас правда всё в порядке, джентльмены? Вы ничего

не скрываете?

Крисп пожалел, что выдал себя, и вновь захотел слиться с каменной оградой. У Густава на лбу выступила испарина, он полез в карман за платком, но передумал.

– Что за намёки, констебль? Вы нас в чём-то подозреваете?

Не только Вольф, но и каменная стена, и даже ильм, рядом с которым они провели всю прошлую ночь, поняли, что Густав ляпнул лишнее…

– Что вы, джентльмены. Ничуть! Простите мою назойливость, но не ваш ли приятель спит под тем деревом?

Под дубом, уютно свернувшись калачиком, как до того в сарае, спал Хуберт. Густов бережно потряс его за плечо, и тот сразу открыл глаза. В них была полная безмятежность. Трактирщик улыбнулся.

– Хуберт, что ты тут делаешь?

– Друзья, я так рад вас видеть!

На блаженное лицо Хуберта легла тень констебля, и бесстрашный шкипер сразу помрачнел.

– Так чудно спится в этих благоухающих садах, не то что под крышей, на жёсткой кровати, не правда ли, констебль?

– Несомненно! Я должен вас отвести в участок, но учитывая, что вам нужно репетировать, так и быть, закрою глаза и на эту выходку. Джентльмены, простите, меня ждёт работа.

– Прошу простить нашего коллегу, констебль! – вытянулся в струнку Густав. – Обещаю, больше этого не повторится!

Полицейский кивнул и зашагал навстречу утреннему солнцу, одинаково согревающему праведников и хитрецов.

– Хуберт, ты спятил на старости лет? – зарычал на трактирщика Густав.

– Сейчас я всё объясню, – потянулся и медленно приподнялся виновник происшествия. – Но сначала скажите, вы нашли сундук в сарае?

Густав посмотрел на Вольфа, Вольф – на Густава.

– Куда ты его спрятал, старый ты чудак? – не выдержал малыш Крисп.

Трактирщик пропустил эти слова мимо ушей. Не в его положении было возмущаться. Он чётко помнил, что забросал сундук сеном, но вот прикрыл ли он дверь сарая?

Хуберт сообщил об этом приятелям и уже собрался поведать, как здесь очутился. Но не успел. Густав и Вольф как по команде подскочили и устремились к месту, где они припрятали сокровища. Про любителя вздремнуть на природе они как будто забыли. Зато его не упустил из вида констебль Уильям. Что-то сбило его с привычного маршрута, и он вернулся.

– Вы ещё тут, сэр? На вашем месте я бы не валялся под деревом.

– Я так сильно порчу пейзаж? – нашёлся старый шкипер.

– Не в этом дело. Сегодня ночью мой напарник, констебль Бакстер, слышал шипение в кустах. Он опасается, что здесь опять появились змеи. Это единственное, чего он боится. Он

заявил, что будет требовать внеочередной отпуск, пока не обнаружат их логово. Совсем рехнулся. Говорит, что ночью слышал, как они катаются по земле. Где-то вычитал, что в конце лета во время свадеб они собираются в большие клубки и, значит, *змеятся*. Но сейчас же только начало лета!

– Змеи, а-а, ну да, конечно, это такие длинные, рыжие и бесконечно шипят, – задумчиво произнёс Хуберт, вставая на ноги.

– Почему рыжие? Они ведь…

– Простите, я хотел сказать чёрные. Путаница какая-то в голове…

– Да, конечно… Только это между нами. Вы представьте, Бакстер – экс-чемпион Кента по боксу в тяжёлом весе и как суслик трясётся при виде змеи.

– Констебль, я нем, как могила. Но вы правы, утренняя прохлада сделала своё дело, поспешу в номер. У нас сегодня много дел! – Хуберт не оборачиваясь двинулся в сторону отеля.

Тем временем Густав и Вольф на полном ходу влетели в сарай, благо дверь оставалась по-прежнему нараспашку. Ворох сена высотой с башню Дуврского замка сразу бросился в глаза обоим. Стог возвышался в углу никем не потревоженный, но… сундука в нём не оказалось. Вольф присвистнул, хотя раньше делать этого не умел. Густав поддержал, вспомнив к месту несколько самых удачных крепких выражений из их дебютного выступления на пароходе. Оба, как по ко-

манде, замолчали, думая каждый о своём.

А солнце продолжало щедро разбрасывать свои лучи, и один из них проник через открытую дверь. Он осветил противоположный угол сарая, где из-под жидкой кучки сена гигантским грибом выглядывал сундук.

– Так вот же он! – воскликнул Вольф и вновь присвистнул.

Пока он проверял сохранность находки, Густав кое-как подпёр дверь, потому что не нашёл и намёка на какую-то задвижку.

– Ну вот… – только и успел сказать Густав, отскочив в сторону, потому что снаружи в дверь кто-то сильно ударил. Оба уже успели забыть про старину трактирщика, а это был как раз он.

– Ты сделаешь из нас неврастеников, Хуберт. Мы и без того всё утро скачем, как блохи, – успокоив дыхание, промолвил Густав.

Он впустил Хуберта и вновь подпёр дверь.

– Восемь склянок! Я увидел, что дверь заперта, и расстроился. Моё утро тоже не назовёшь спокойным. Я проснулся от дурного сна, к тому же сильно замёрз. От сундука веяло каким-то могильным холодом. В темноте я не сразу понял, что сплю в сарае. Да ещё во сне за нами гналась полиция. Мы побросали лопаты и бежали как угорелые. Я окончательно проснулся, зажёг масляную лампу и решил проверить, здесь ли наш инструмент. Не нашёл ни лопаты, ни лома. Я рванулся к двери, но она была заперта снаружи. Пришлось пора-

ботать плечом. До сих пор ноет. Закидал сундук сеном – и быстрым ходом к замку. Там я, естественно, ничего не обнаружил. Остатки сил ушли на то, чтобы выровнять травяной холм. Не забывал и про полицейского. Я устал и решил подремать пузом кверху под любимым деревом нашего Вольфи. Проснулся, уже когда вы и констебль пришли меня будить.

– Всё тип-топ, старина. Располагайся поудобнее, будем думать, как открыть сундук, – распорядился Желински.

Ящик вынесли на середину помещения и зажгли масляный фонарь. Это был настоящий корабельный сундук, обитый кованым железом. Безупречный внешний вид портила лишь вмятина от лома на крышке.

Сундук был весь испещрён заклёпками. Мастер, его изготовивший, усилил прочность петлями и скобами по углам. Спереди какие-то надписи и отверстие ложной замочной скважины, по бокам – витые ручки. Сам механизм замка был скрыт внутри. Со всех сторон сундук покрывала патина.

– Я видел такой на одном судне. Похож на сундук морского офицера. Крышка обычно прижата так плотно, что даже топором не подлезть. Правда, у нас и инструментов нет. Тут не обойтись без профессионального взломщика, – заключил бывалый морской бродяга.

– Так-таки и не обойтись? – глазки Криспа хитро забегали.

– Вольфи, что ты имеешь в виду? Неужто среди твоих талантов есть и такой?

– Ишь как запел! Я берусь открыть этот старинный ящик, даже не повредив его. Но есть одно условие, – вымолвил шустрый малыш, строго глядя на Хуберта.

– Какое ещё условие? Мы же все в одной лодке?

– Я не шучу, Хуберт. Никаких посиделок со старым приятелем в пабе до нашего отправления на материк. А то, чего доброго, придётся опять искать тебя под дубами. Густав, у тебя есть булавка?

Вольф склонился над сундуком. В замке что-то щёлкнуло, и малыш довольно хмыкнул.

Приятели подняли крышку. Их лица не озарили блеск и сияние золота и драгоценностей. Нет-нет, сундук не был набит камнями и стеклянными осколками – всё содержимое было аккуратно уложено по мешочкам и свёрткам. Золотые дукаты, гульдены, дублоны, пиастры и эскудо. Кроме кисетов с золотым песком и мелкими алмазами, в сундуке были и деловые бумаги. На лицах приятелей на какой-то миг застыло недоумение, первым встрепенулся циркач.

– Вот это да, – в третий раз за утро присвистнул он. – Хуберт, ты случайно не знаешь испанский? – обратился он к старому капитану.

– Зачем тебе, дружище? Хочешь узнать, чьё это богатство, и вернуть хозяину? – лениво отреагировал тот.

– Думаю, это уже невозможно. Но мне будет приятно узнать, что золото и камни принадлежали какому-нибудь дельцу, а не благородному идальго.

– Дай взглянуть!

– Вот, полюбуйся! Похоже на отчёт управляющего, он пишет какому-то дону Фигу из Саламанки. Едва ли этот Фигу из благородных идальго, – протянул ему бумагу Крисп.

– Малыш, ты читаешь по-испански? – удивился трактирщик.

– В нашем цирке, в Бреслау, был один каталонец, учил нас с братом немного. Но во время представления на него напал лев.

– И что? – Густав отвлёкся от рассматривания золотого дуката. – Разорвал?

– Нет, ногу прокусил.

– Доукрощался! – пробурчал Хуберт, не поднимая головы от бумаг. – Вероятно, и записи делал какой-то посредник. Тут про какие-то предприятия, которые добывали золото и алмазы в Австралии и принадлежали богатым семействам. Не удивлюсь, если здесь замешано и духовенство. В Испании оно очень сильно, – высказал свою версию бывший шкипер Шмидт, продолжая просматривать бумаги. – А вот и список всего содержимого!

– Здесь просто несметное богатство! – глаза циркача горели огнём любопытства. – Да, но как и кому это можно продать?

– Положитесь, друзья, на меня, я знал таких людей в Гамбурге, надеюсь, они ещё живы, – предложил трактирщик.

– Это хорошо, но как мы вывезем его из Англии? – одно-

временно поинтересовались Вольф и Густав.

– Нет ничего проще. Заделаемся свободными торговцами, наймём вёсельное судёнышко – пять часов, и при попутном ветре наш груз во Франции. А там поездом в Саксонию, – вошёл во вкус старый капитан.

– И это предлагает честный трактирщик. Хуберт, ты ли это! Я гляжу, английский эль с толикой свободы творят чудеса, – усмехнулся Густав.

– Что вы из меня злодея делаете? Поэт Киплинг, англичанин… Густав, ты, может быть, слышал про него? Так вот, он даже гимн контрабандистов сочинил. Слов не знаю. Хм-х! – Хуберт откашлялся. – Хм-х. Полежал на травке под дубом, хм-х. Да не смотри ты на меня, как жаба на лошадь, Вольфи! Что ты сам-то предлагаешь? Открыть фабрику… цирк, а может, художественный салон?

– Хорошо, мы наймём судно, а если в море нас накроет таможня? – спросил Густав.

– Надо сделать так, чтобы не накрыла! – нерешительность друзей начинала раздражать старого морского волка.

– Риск велик! А если мы поступим как законопослушные граждане?! Например, сдадим наш клад в Лондонский музей? Можно ли рассчитывать на достойное вознаграждение? – высказался наконец Вольфи.

– Мысль здравая! Браво! – захлопал в ладоши Желински. – Но скажи мне, ты хоть раз бывал в Лондонском музее? Там всё английское. А у нас – пиратские сокровища, ос-

новная их часть принадлежит Испании. А если начнут выяснять? Окажется ещё, что мы повредили трёхсотлетний ильм. К тому же, я рассчитываю обучаться в Школе ремёсел. Лучше сделаем так: в Лондоне живут мои хорошие знакомые, я спрошу, могут ли они посоветовать проверенного ювелира. Чтобы не задавал лишних вопросов и помог сбыть сокровища.

X

Через два дня Густав отправился в лондонский квартал ювелиров Холборн. Он взял с собой только копию списка сокровищ. С переводом текста с испанского на английский Хуберту пришлось основательно повозиться. Язык он знал плохо: говорить его выучил один матрос на их судне, тот же Педро объяснил, как читать буквы, когда они стояли на якоре в порту Кадиса в ожидании благоприятной погоды для выхода в море.

Пожилой ювелир Бинстед, которого Густаву рекомендовали друзья, признался, что давно не слышал о таком богатстве. Но добавил, что не настолько состоятелен, чтобы выкупить все сокровища, хотя мог бы приобрести кое-что. Для покупки всего перечисленного Бинстед должен будет объединиться ещё с четырьмя-пятью крупными ювелирами. Но это не так просто, ведь у каждого свой интерес. Он посоветовал искать покупателя на весь клад. При этом ювелир пообещал обсудить вопрос покупки с одним знакомым банкиром.

Пока Густав был в Лондоне, к циркачам заглянул констебль Уильям. Он интересовался здоровьем Хуберта. Не моргнув глазом, Вольф на немецком пригласил Уильяма на вечернюю репетицию. Хуберт от неожиданности открыл рот и заявил, что не будет переводить слова сумасброда и афе-

риста. Однако Вольф настоял на своём, заверив, что иначе полицейский не отвяжется.

Густав, не подозревая, что их ждёт вечернее представление, рассказал компаньонам о встрече с ювелиром и пообещал в течение трёх дней договориться с покупателями.

– Бинстед – хороший человек, но боюсь, с ним у нас ничего не получится. Вести переговоры с другими ювелирами я бы не рискнул. Этот Бинстед пообещал посоветоваться по нашему делу с каким-то банкиром, если вы, конечно, не возражаете.

– Я не против, хотя большой симпатии к банкирам не испытываю. Что скажешь, Вольфи? – выразил своё мнение трактирщик.

– Не важно, кто купит, лишь бы скорее. Если банк согласится выдать нам чек на круглую сумму, я буду только рад. А кстати, Густав, не хочешь сегодня вечером развлечь свою Софи коротким представлением? Мы с Хубертом уже пригласили констебля Уильяма.

– Не мы, а ты, мой дорогой Вольфи. Да-да, Густав! По странной прихоти нашего циркача тебе сегодня вновь предстоит рискнуть жизнью, – подтвердил Хуберт.

– Что ж, я готов. Жаль только, Софи не будет присутствовать на моём представлении. Она в Лондоне. И завтра во второй половине дня, если я останусь жив, мы обедаем в её любимом кафе на Бонд-стрит. А где мы устраиваем шоу?

– Ну конечно же, не в номере. У нас есть прекрасный

угольный сарай!

– Постой, Вольфи, там же сундук с сокровищами! Это рискованно.

– Так мы его спрячем! Зароем в землю… трам-пам-пам, трам-пам, трам-пам, трам-пам!

К пяти часам пополудни сарай превратился в некое подобие цирковой арены. По периметру зажгли свечи, сено собрали в большую кучу и свалили в тёмный угол, скрыв от чужих глаз сундук.

В половине шестого их уже ожидали зрители, нетерпеливо оглядываясь по сторонам. Констебль Уильям пришёл на представление не один. На поводке он вёл бульдога, который при виде Вольфа резко рванулся в его сторону. В том же направлении рвались два пухлых близнеца лет шести, которых с трудом удерживала за подтяжки пышная и краснощёкая жена констебля. Одного из братьев звали Уилл, другого – Джим. Близнецы никогда не видели карликов и сразу же захотели потрогать Вольфа и познакомиться.

– Мальчики, джентльмен не говорит на английском, – увещевал детей полицейский, дёргая поводок и принуждая бульдога идти рядом.

Наконец скулящего и недовольного Чакки привязали снаружи, и Вольф смог вздохнуть спокойно.

– Друг мой, он признал в тебе сородича, – попытался успокоить его Хуберт, но Вольфу было не до шуток. Близнецы не

спускали с него глаз и всё время что-то выкрикивали.

– Если во время представления они будут вопить, я не услышу шёпот Густава, – разволновался Вольф.

– Попробую их чем-нибудь отвлечь.

– Хуберт, есть идея!

– Что еще, Вольфи? Я уже начинаю бояться твоих озарений…

– Вот, послушай. В нашей цирковой труппе был один русский. Он рассказывал, что в детстве у него была такая нехитрая игрушка. Представь чашу без ручки, к основанию которой крепится короткая палка. К концу палки привязана верёвка, а на ней шарик. Нужно умудриться так подбросить шарик, чтобы он оказался в этой чаше. Кажется, такую игрушку в России называют закидушка. Если ты мне поможешь, мы смастерим что-то подобное и отвлечём мальчишек.

Чаши в сарае не нашлось. Вместо неё Вольф предложил использовать… ветку с сучком. Шар заменили кольцом из толстой пеньки, благо верёвки в сарае было в избытке. Хуберт быстро сделал кольца и привязал к ним верёвку потоньше. Получились две игрушки, которые тут же вручили близнецам. Кольцебросы, увлёкшись игрой, быстро забыли о существовании карлика.

Представление началось. Уильям и его жена, миссис Ева, наблюдали происходящее на импровизированной арене раскрыв рты. Когда Вольф угадывал цифры, семейная чета хло-

пала, не жалея ладоши. На этот раз все трое были неотразимы. Хуберт дважды умудрился метнуть нож из-за спины, а ещё один раз он бросил сразу два. Густав издал то ли бурчание, то ли покашливание, а Вольф на удивление публики угадал обе цифры.

Братья-близнецы смотрели представление только первые несколько минут. Они тренировались в меткости, и когда кольцо соскакивало, близнецы злобно вопили. Удержать сорванцов на месте было не под силу даже их матушке.

Всё шло как по маслу. Готовясь к повторному броску двух ножей, Хуберт слегка улыбнулся публике и повернулся к мишени, возле которой стоял Густав. Проделывать трюк с закрытыми глазами он не собирался, разве что напоследок. Вытянув руку перед собой, он прицелился и тут краем глаза заметил пролетающий мимо огненный шар. Всё произошло неожиданно и скоротечно, трактирщик не успел даже вскрикнуть. Свеча, выпущенная как из пращи одним из близнецов, улетела в дальний угол и вмиг подпалила сено на полу. Поднялся крик, все бросились кто куда. Циркачи стали затаптывать огонь и забрасывать пламя тряпками. Тушить возгорание помогал даже бульдог Чакки, вырвавшийся ради такого случая на свободу. Вот он-то и обнаружил припрятанный в сене сундук, хотя до самого стога пожар добраться не успел.

На секунду в сарае повисла тишина. Близнец Джим икнул – про сундуки он знал только из книжек. Хуберт посмотрел

на Густава, тот открыл рот, готовый сказать лишь бы что, только б не молчать.

– Густав, сию секунду переводи всё, что я буду говорить, – скороговоркой приказал Вольф.

Густав подхватил ослабевшим голосом его слова и начал говорить на публику. По мере того как до него самого доходила суть сказанного, он приободрялся. Рассказ он закончил с присущим ему артистизмом.

Получалось, что сундук – реквизит для следующего номера, который называется «Гном из ящика». Чудесное появление! Больше он сказать не может. Номер готовился как сюрприз, поэтому сундук тщательно спрятали.

Констебль извинился за чрезмерное любопытство близнецов, из-за которых открылся секрет. Джим ещё раз попытался накинуть кольцо на свечу, но был пойман миссис Евой за ухо и с воем выдворен из сарая.

– У кого вы приобрели такой замечательный старинный сундук? – поинтересовался констебль Уильям.

– У одного лондонского ювелира, мистера… – Густав на секунду задумался. – Впрочем, это тоже секрет.

Когда гости ушли, Хуберт похлопал Вольфа по плечу.

– Наш малыш подхватил нас на самом краю пропасти. Ещё миг – и мы оказались бы в участке, а там могли бы и в тюрьму угодить. И плакали наши сокровища.

– Да, Вольфи, ты здорово придумал про реквизит. Правда, теперь нам не миновать ещё одного номера, – оценил на-

ходчивость малыша-циркача и Желински.

XI

Утром Густав уехал в Лондон, а Хуберт и Вольф принялись за разборку сундука. После того как его содержимое было аккуратно переложено в два огромных мешка, Вольф заглянул внутрь и задумался. Чтобы поместиться в ящике, ему нужно будет сложиться втрое.

– Этот сундук для номера не годится. Поверх дерева толстая кованая медь, крышка тяжеленная, и дно приделано намертво. Хуберт, нам нужен такой же, но просто деревянный, а клёпки и прочую красоту нарисует Густав.

– Может, мы откажемся от номера? Сам ящик оставим в сарае и прятать не будем? – Хуберт решительно захлопнул крышку.

– Ни в коем случае! Сейчас отправимся в порт искать подходящий ящик. Из него тебе предстоит сделать близнеца вот этому, – серьёзно заявил Вольф, указывая выразительно носом на сундук.

– Что-то ты раскомандовался, дружище. За наше спасение Густав, пожалуй, изготовит твой бюст и украсит им свою мастерскую. Но… разве не твоя идея пригласить полицейского на репетицию?

– Моя, конечно! Сам сказал, сам сделал, как говорится! Но разве я мог предположить, что констебль прихватит с собой пса, жену и этих шустрых близнецов?

– А ведь они нам чуть не спалили сарай.

– Верно, но всё обошлось. Давайте лучше подготовимся к очередному визиту констебля Уильяма. Думаю, это будет уже скоро.

– Надеюсь, ещё раньше мы уберёмся из Англии. Теперь дело за Густавом.

Когда вечером Густав вернулся из Лондона, Вольф и Хуберт ещё возились в сарае с изготовлением бутафорского сундука. Он был сработан на славу. Не хватало только некоторых деталей декора. Но не это было главное. Вольф с гордостью показал, как работает конструкция со вторым дном, и объяснил, в какой момент он должен забраться в сундук. Всё оказалось проще простого.

– Замечательный получится номер, – оценил труды приятелей Густав.

– Кстати, как прошло свидание с твоей англичанкой? – полюбопытствовал Крисп.

– О-о, всё отлично! Правда, у Софи были срочные дела в училище. Это какое-то старинное заведение при Королевской академии искусств. Она там преподаёт рисунок юным дарованиям. Само здание на Пикадилли, и им можно любоваться часами. В отсутствие Софи, конечно. У меня было достаточно времени до вечернего поезда, и я наслаждался видами большого города. Можно было не спешить обратно в Дувр. К тому же после разговора с банкирами было о чём поразмыслить…

– Не тяни, отважный наш тунец в окружении финансовых акул. Они не захотели раскошелиться? – перебил его бывший шкипер.

– В том-то и дело, что они согласились, но на своих условиях. Просто купить сокровища они не могут. Деньги серьёзные, а у них акционеры, которых нужно посвящать в детали всех крупных операций. Ещё банкиры, а их было двое, пели дуэтом про вкладчиков, балансы, активы и пассивы.

– Какую же сумму вы обсуждали? – деловито осведомился Вольф.

– Во время первой встречи ювелир Бинстед оценил всё сокровище в двадцать тысяч фунтов. Но меня смутило, что эта сумма плохо делится на троих. Когда управляющий поинтересовался, сколько мы хотим получить за клад, я выпалил: тридцать тысяч фунтов.

– А ты не промах, Густав! – потёр ладони трактирщик.

– Возможно, жадность меня и сгубила, – покачал головой Желински, – потому что их пыл сразу начал угасать. Они заявили, что не смогут быстро реализовать такое количество золота, алмазов, монет и украшений, и предложили временно поместить их к ним на хранение. Дальше – сложнее. У их банка есть отделение в Гамбурге, там нам выдадут ссуду под обеспечение этих сокровищ. Естественно, в марках. По мере того как банк будет реализовывать что-то из сокровищ, нам будут предоставлять отчёт и списывать долг. Меня заверили, что за год они точно управятся.

– Но почему так сложно? Не могут ли они просто выписать нам чек? – возмутился Вольф.

– Говорят, что нет. Банк распоряжается чужими деньгами и отвечает за их сохранность. Будь мы англичане, они бы просто направили деньги на обучение, строительство здания, лечение брата Вольфи и, например, новую таверну.

– Но какие гарантии, что в Гамбурге мы получим эту ссуду? – Вольфу явно не по душе был такой расклад.

– Трудно сказать, но мы поступим по-другому. Хуберт, ты говорил, что жил в Гамбурге. У тебя есть в городе надёжный человек?

– Э-э, моя родная сестра. Я ей доверяю. Мы вместе росли в отчем доме. Потом она вышла замуж и переехала в другой конец города, но я очень давно не навещал её.

– Мы можем попросить твою сестру получить ссуду на себя? Это бы нам здорово помогло.

– Думаю, что можем. Надёжней её у меня никого нет.

– Как долго будет идти письмо твоей сестре?

– Пару-тройку дней.

– Ну ты, брат, загнул! Насколько я знаю, срочное письмо идёт не меньше недели, – Вольф сидел на своей кровати, закинув ногу на ногу.

– Всё просто – голубиная почта. Муж сестры держит голубей. К нему обращался даже сам барон Шредер.

– Пиши письмо, Хуберт. Мы проверим твою крылатую почту. Остаётся только найти пернатого почтальона, – поторап-

ливал Густав.

– Почему сегодня все мной командуют? Письмо я напишу, но давайте сначала повидаемся с банкирами. По-моему, нам пудрят мозги. Они явно чего-то боятся, поэтому им и нужно время, чтобы всё проверить. На их месте я бы тоже не очень доверял трём иностранцам с сокровищами непонятного происхождения, – попытался умерить пыл Желински старый трактирщик.

– Хуберт, тогда твоя задача – убедить их, что мы честные кладоискатели, никого не убили и не ограбили, – стоял на своём Густав.

XII

На следующий день циркачи проснулись ещё до восхода солнца, хотя встреча с банкирами была назначена на полдень. В двенадцать часов восемь минут, когда приятели появились в кабинете управляющего, их уже ждали. На фоне пышущей здоровьем троицы банкиров (явно с хорошим аппетитом) бледным пятном маячил некто недовольный в очках.

«Весельчаки и беззаботные пташки предвкушают выгодную сделку, – подумал Хуберт. – И все как на подбор, а это привидение в очках, похоже, секретарь».

Густав извинился за опоздание, и только после этого «секретарь» представил присутствующих. Управляющий Клиффорд, улыбнувшись и показав жёлтые зубы, предложил гостям присесть к столу. Он привычным жестом поправил узел шейного платка и попросил мистера Желински повторить историю пиратских сокровищ.

Хуберт быстро огляделся. Небольшой, скромно обставленный кабинет: на стеллажах ровные ряды папок и книг, в углу коричневый сейф на колёсиках с массивной латунной ручкой, отшлифованной до блеска. Рядом маленький стол машинистки и большая корзина для мусора. На большом столе, с одной стороны которого расселись банкиры, а с другой – авантюристы-кладоискатели, царил полный хаос. Сре-

ди множества бумаг, папок и газет лежали печати, пустая чернильница и возвышалось увеличительное стекло на подставке. На одном из документов трактирщик рассмотрел название банка – M. Kurt Groeder & Co.

Крупный мужчина средних лет с бульдожьим лицом оказался директором. Вместо приветствия он хмыкнул и слегка потянул за золотую запонку манжеты. Представитель от акционеров Дьюк, с пижонским зелёным шейным платком, который совершенно не сочетался с клетчатым костюмом, внимательно изучал Вольфа. На вид ему было около тридцати. Тип в очках удивил, представившись юристом. Некто мистер Крамп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.